

РАЙ ЗА ОБОЧИНОЙ

Берил Йонн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Берилл Йонн

Рай за обочиной (Диссоциация)

<https://litres.ru/72709822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодость, любовь и Москва...

Молодость, любовь и Москва?

В центре Москвы двадцатилетняя девушка выпивает стаканчик кофе с цианидом.

Что могло предшествовать этому событию?

Кризис, одиночество, отчуждение.

Её жизнь – блеклая череда однообразных событий, над которыми она сама как будто не имеет никакого контроля. Пытаясь вырваться из безликой рутины, девушка, кажется, лишь глубже проваливается в пучину своего кризиса.

Бессилие, диссоциация, отчаяние...

Когда она только начинает чувствовать собственную субъектность, тот хрупкий мир, который она старательно выстраивает вокруг себя, в одночасье рушится на глазах. Неужели он был построен на фундаменте из фальши?

Её зовут Элина Калинина

2022 - н.в.

Содержание

Пролог	4
Коммуна	11
Год назад	25
Ближайшая ночь	46
Кофейня	59
Вокзал	65
Буквы	77
В квартире на Соколе	92
Сойя	104
Настоящие вещи	111
Лаба	118
Вокзал II	126
Третьяковка	127
Запись в дневнике	133
Третьяковка II	134
Запись в дневнике II	147
Парк Горького	148
Квартирник на Новоясеневской	157
На балконе	169
Квартирник	179
Открытие	188

Берилл Йонн

Рай за обочиной

(Диссоциация)

Пролог

Утром, второго мая, в девять часов тридцать минут из здания «Центрального детского мира» на Лубянке вышла девушка с небольшим бумажным стаканчиком кофе. Под колоннадой, у массивного, как монолит, бежевого столпа она остановилась, огляделась по сторонам и решительно направилась к переходу в сторону центрального здания ФСБ.

Девушка торопилась. Кофе у неё в стаканчике медленно стыл – а она к нему не притрагивалась, несла в вытянутой руке, как будто желая кому-то отдать. Её лицо приобрело угловатые черты в выражении сосредоточенности, а неподвижный взгляд устремился вперёд.

На углу здания Политехнического музея, чей фасад долгое время был скрыт плотной зелёной сеткой с огромными чёрными буквами «**ПОЛИТЕХ**» и только недавно показал свой посвежевший отреставрированный лик, скопились серые автомобили Росгвардии. Возле них курили парни в серых городских камуфляжах, в бронежилетах и с круглыми

шлемами на локтях. Некоторые из них, серые тени на асфальте, прохаживались по тротуару у здания ФСБ, по площади, болтая чёрными резиновыми дубинками.

Девушка поправила ажурный шарф на плечах, зарылась в него носом и исподлобья оглядела площадь.

У дверей ФСБ, отбившись ото всех, остановился росгвардеец, достал сигарету и закурил. Он примял белую сигарету подушечками пальцев и спрятал под ладонью оранжевый кончик.

Девушка, так и не притронувшаяся к своему кофе, направилась к нему, отрешённо огибая плечи прохожих. Под ажурным шарфом её губы неслышно нашёптывали слова песни, звучавшей в маленьких спрятанных под беретом наушниках:

А когда вы побежите с утра на работу,
Прочь от страха да во имя трёх кусочков хлеба,
Вы споткнётесь об уснувшего в собственной рвоте,
Но глаза его открыты будут в сторону неба...

В нескольких шагах от росгвардейца она остановилась, убрала наушники в карман и стянула с лица шарф. У неё были винно-красные губы, очень выделяющиеся на бледном лице.

– Извините, не будет сигареты? – спросила она у росгвардейца и улыбнулась этими винно-красными губами.

Молодой человек (её ровесник!) сжал тлеющую сигарету в губах, и его большие ладони полезли по карманам. Всё

это время девушка не сводила с него пристального взгляда зелёно-голубых глаз, у уголков которых посверкивали серебристые акриловые стразы. Как и почти все девушки в центре Москвы, она выглядела очень нарядной: объёмный тёмно-зелёный берет, подколотый брошью, на плечах большой струящийся ажурный палантин чёрного цвета, угловатое клетчатое пальто. Единственное, что-то едва уловимое, сквозившее в ней, отличало её ото всех остальных столичных девушек сегодня.

– Спасибо, – поблагодарила она, принимая сигарету.

Её рука дрогнула, а голос – нет.

И взгляд её не дрогнул. Она не сводила глаз с лица молодого росгвардейца.

Она сжала сигарету винно-бордовыми губами, повернулась в профиль и одной рукой поднесла зажигалку. В другой она держала бумажный кофейный стаканчик. Справившись с огнём, она убрала зажигалку в карман и, изящно сжав сигарету меж двух пальцев, отвела в сторону и согнула в локте руку. Дымящийся кончик сигареты устремился в ясное весеннее небо.

– Отличная погода, – сказал он, когда девушка отвела взгляд и сконцентрировалась на огоньке зажигалки с колёсиком, от которой она прикуривала.

Пристальный взгляд сине-зелёных глаз устремился на молодого человека. На этот раз в них вспыхнул игривый огонёк.

Девушка согласилась:

– Действительно. Температура – плюс восемь градусов по Цельсию, влажность – шестьдесят процентов, атмосферное давление – семьсот сорок девять миллиметров ртутного столба, скорость ветра – два метра в секунду.

У неё был мелодичный голос – словно птичий щебет.

Росгвардеец почему-то спросил:

– Вы ведёте прогноз погоды?

– Нет, – мотнула головой девушка и наконец сделала небольшой глоток из своего стаканчика.

На пластиковой крышке отпечаталась помада.

– А – жаль. Я бы никогда не пропускал прогноз погоды.

Девушка смерила его взглядом с головы до ног – от чёрного берета до начищенных берцов.

– А зачем прогноз погоды, если вы носите форму, которую вам выдают?

Росгвардеец приосанился, гордо заулыбался, как бы невзначай передёрнул плечами, демонстрируя шевроны.

– Нравится?

– Нет, – гордо ответила девушка и сделала ещё глоток кофе.

Росгвардеец сник.

Девушка поинтересовалась:

– А почему – эта форма?

– В каком смысле?.. Ну, это городской камуфляж, «МОХ»...

Глаза девушки описали в зеницах окружность.

Повисла пауза.

– Сколько вам лет?

– Двадцать два. А вам?

– Можно перейти на «ты». Двадцать.

– Хорошо. Ты где-то учишься?

– Из Можайска. Ты?..

– Далеко, – присвистнула девушка. – А я из Щёлкова. Но живу здесь.

– Снимаешь?

– Да.

– Дорого?

– Достаточно.

Девушка отпила ещё кофе (остывшего).

– С друзьями, где-то по десятке выходит, – пояснила она.

Росгвардеец хмыкнул.

– Это почти как мой оклад.

Девушка удивлённо вскинула брови.

– А говорят, вы деньги лопатой гребёте! – не без желчи воскликнула она.

Её собеседник самодовольно улыбнулся.

– Оклад повышается с выслугой лет, а ещё надбавки...

– Большие?

– Достаточно. Премии ещё...

Девушка скривила лицо, про себя считая и прикидывая.

– Так-то, у меня двадцать пять в месяц выходит, но я по-служу ещё... – говорил росгвардеец. – Можно дослужиться,

что и сотка будет...

– А ты на митингах тоже был? – спросила девушка, и в её голосе лязгнул металл.

– Был.

– Страшно?

– Поначалу – немного, – Большая рука сжала рукоять дубинки на поясе, – а потом понимаешь: что они тебе сделают? Ничего. – На его лице проступила жестокость. Лицо девушки выразило презрение. – А ты – из этих, что ли? Оппозиционеров? – оскалился он.

Только холодные сине-зелёные глаза.

Бумажный стаканчик упал на асфальт, крышка отскочила и выплеснулся кофе с молоком. Сигарета выскользнула из пальцев и рассыпалась оранжевыми искрами. Только что стоявшая с ним лицом к лицу девушка рухнула ниц – спиной на асфальт. Палантин разметался чёрными крыльями, берет с брошью сполз, показав постриженные ёжиком изумрудно-зелёные волосы.

Казалось, она хотела смотреть в небо – но её зрачки дёргались и закатывались вверх. Она вся содрогалась в хаотичном макабре: руки, ноги, всё тело. В беспомощно разинutom рту пузырилась, увеличиваясь в объёме, белая пена.

От этой картины, от внезапности произошедшего, росгвардеец оцепенел. Опомнился он только, когда недавняя собеседница лежала, обмякшая, на тротуаре со страшными стеклянными глазами, устремлёнными в небо. Черты её ли-

ца медленно обострялись.

В воздухе витал и рассеивался едва уловимый горьковато-миндальный запах.

К месту происшествия стягивались другие росгвардейцы на площади, случайные прохожие.

Молодой человек подумал, что забыл спросить её имя. Он опустился на корточки и, не проверяя пульс, принялся обыскивать карманы клетчатого пальто. Его руки дрожали, он откинул прочь путающийся ажурный палантин. В боковых карманах нашлись паспорт и телефон. Молодой человек раскрыл паспорт, сминая страницы, и прочитал имя:

КАЛИНИНА ЭЛЛИНА КОНСТАНТИНОВНА

Экран телефона у него в руках вспыхнул – это пришло сообщение от мамы: «Ты где?». Помимо этого, было ещё несколько непрочитанных сообщений от другого контакта...

Коммуна

Эль, как она представлялась, появилась на пороге коммуны с самым дорогим, что имела: она принесла клетку с котом и горшок с хедерой. Уже потом, спустя время, в её комнате постепенно начали скапливаться книги и одежда.

Коммуна, как эти девушки (Рин, Соья, Ди и Эль), называли своё жилище, представляла собой пустую коробку в одной из новостроек в спальном районе, и жилицы приводили её в божеский вид собственными силами. Они рисовали на стенах в ванной, даже не штукатуря панели, заклеивали разными плакатами, завешивали дверные проёмы занавесками или шторками из пластиковых бусин. Свою комнату Эль, не без помощи соседок, обклеила газетами. У неё на стенах нашлось место самым разнообразным изданиям: серьёзным газетам из киосков, рекламным, которые раздают на улицах или разносят по почтовым ящикам, и даже подпольным газеткам в один-два разворота. Поверх чёрной и золотой акриловой краской Эль изобразила почти двухметровое дерево.

– Дуб Вяйнямёйнена, – сказала она и подписала вокруг кроны: «Если кто там поднял ветку, тот нашёл навеки счастье; кто принёс к себе верхушку, стал навеки чародеем». Печатные буквы кренились, расползались, прыгали и имели совершенно разный размер.

Среди всех книг, которые, не найдя более подходящего

места, Эль разложила стопками на полу, затесалось старое издание Калевалы 1956 года в серой обложке с тесненным рисунком в виде застёжек. Эль рассказала, что точно такое же издание она видела в экспозиции Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге. В её издании на титульной и семнадцатой страницах синели овальные печати: кто-то из её родственников работал в библиотеке и приносил домой списанные книги.

Когда Эль появилась на пороге коммуны с клеткой с котом и в обнимку с горшком с хедерой, она сама походила на эпическую колдунью: у неё были чёрные волосы до пояса, в которых терялись косички со вплетёнными колечками, лентами и бусинами, перья. Если бы она решила собрать всю массу своих волос в две косы, то эти косы вышли бы как у Марфы Собакиной – шириной с ладонь. А ещё у неё были сине-зелёные глаза – как южное море.

Цвет глаз кота, с которым она приехала, был хвойно-зелёным. Сам он был крупный, пятнисто-серый и пушистый – очень походил на какого-нибудь дикого кота, под стать своей лесной хозяйке.

Полненькая Рин в мешковатой фиолетовой футболке села на корточки у клетки с котом, склонила голову набок и поинтересовалась:

– И как же зовут это чудо?

Эль улыбнулась.

– Будённый.

Рин нахмурилась.

– Странное имя. А почему?

– Ты видишь, какие у него усы? – сказала Эль, наклоняясь и с трудом отворяя заедающую дверцу клетки. – Но, в принципе, он отзывается и на просто «кот».

– Отлично! А я – Рина, но отзываюсь на просто Рин.

Кот Будённый забился в угол своей переноски, словно превратившись в булку, и смотрел круглыми зелёными глазами. Эль вздохнула и заглянула в клетку.

– Боится, – грустно констатировала она.

Она хорошо знала, что её кот трусливый и тяжело переживает стресс. Всю дорогу, что они ехали сюда, кот жалобно пищал, а теперь в клетке-переноске лежали клочья облезшей с него шерсти. Кот беспомощно сжался, компактно настолько, насколько мог.

Не сводя с кота участливого взгляда, Рин села напротив его переноски прямо на пол, скрестив ноги.

Эль оглядела прихожую с голыми стенами. В углу свалена в грудку обувь, а над ней, такой же грудой, висела вся верхняя одежда жилищ – и как это только крючки выдерживают?

– Тут же ни у кого не будет аллергии? – осторожно уточнила Эль.

– На кошек, вроде, нет, – отозвалась Рин, пухлыми пальчиками поправляя очки за тонкую перемычку. – А если ты про пищевые, то на кухне мы пишем, кто что ест. Ты тоже можешь написать. Кстати, ты вегетарианка?

Эльль поворачивала кистью.

– Ну так. Вообще, ем мясо, но и без него нормально.

– А-а, – кивнула Рин. – Я тоже. Просто Ди и Соя – веганки, и на кухне у нас обычно Ди. Я чаще что-то покупаю или заказываю доставку. Ты можешь готовить что-нибудь для себя, но если это мясное, то лучше не при Ди. Не то, чтобы она будет прямо открыто недовольна, но у нас это такой пункт уважения. Но в целом, еда у нас общая, мы друг друга угощаем, да и на кухне можешь брать что хочешь.

– Хорошо. Я поняла.

Рин посмотрела на хедеру, выпустившую густую лоснящуюся копну из горшка в поисках поверхности, к которой бы могла прилипнуть присосками.

– А, ещё про аллергии: если захочешь новые растения, то лучше – предупреждай.

– Окей.

Рин встала с пола и отряхнула ладони.

– Ладно, располагайтесь. Скоро придёт Ди. Будем ужинать.

Эльль занесла переноску с котом и хедеру в голую комнату. Не было даже, на чём спать. «Пока посплю на полу, – решила Эльль и присвистнула, – а завтра, наверное, заеду к Ксюше и возьму у неё футон. На первое время сойдёт. Надеюсь, хотя бы, здесь нет тараканов и прочей нечисти».

Кот Будённый всё ещё сидел, вжавшись в пластиковую стенку своей переноски. Эльль протянула руку и запустила

холодные пальцы в густую серую шерсть, под которой напряжённо замерло кошачье тельце.

– Надо принести тебе воды, – обратилась Ээль к коту и вытащила из своей сумки пустую полулитровую банку. – Сиди здесь, никуда не уходи и ничего не бойся.

Беспокойно озираясь, как если бы была воровкой, Ээль проскользнула на кухню. Там никого не оказалось. Ээль решила осмотреться, прежде чем набрать воды, и с пустой банкой в руках подошла к холодильнику. Её внимание привлекли россыпи магнитиков на дверцах, и какие-то из них удерживали записки на разноцветных листочках. Ээль остановилась и стала читать.

СОЙЯ

Вегетарианка, аллергия на клубнику и горчицу

ДИ

Веганка.

Аллергия на цитрусы и шоколад.

РИН

Диабет. Аллергия на морепродукты.

Ээль скосила глаза на разделочный стол за холодильником и почесала нос пальцем, не отпуская банку. Затем она достала телефон и сфотографировала записки на холодильнике. Она должна была показать эти фотографии...

Среди записочек на холодильнике выделялся свод правил на альбомном листе. Его украшали радужные сердечки, солнышко-спиралька, зеркало Венеры, какие-то цветочки, схе-

матичный серп и молот и прочая разномастная мелочь, какую только горазды были изобразить жилицы коммуны. Сами правила были написаны от руки, причём разными чернилами и двумя сменяющимися друг друга почерками. «Правила можно дополнять, – заметила про себя Эльль, – но это могут делать только двое».

↓↓↓

ПРАВИЛА

↑↑↑

1. УВАЖАТЬ ПОДРУГА ПОДРУГУ!
2. Антикапитализм!
3. Это – мейл-фри пространство
4. Бодипозитив #
5. Веган-френдли ##
6. <...>-френдли ♥♥♥
7. Уважать личное пространство!
8. Еда в холодильнике – общая
9. Поддерживать чистоту в общих местах, убирать за собой на кухне и в туалете
10. Пополнять запасы еды
11. Пополнять запасы прокладок
12. Приветствуется пополнять общую аптечку
13. По пятницам – уборка!
14. На кухне не курить !!
15. Курить можно на балконе в комнате Рин
16. По четвергам – стирка

17. *Вещи перед стиркой надо сортировать*
18. *Вовремя скидывать за квартиру 6000#8340#*
19. *Вовремя скидывать на коммуналку*

20. *Сортировать мусор#*

21. *Экономить воду*

22. *Экономить электричество*

23. *О приходе гостей – предупредить заранее!*

24. *Бережно относиться к общей мебели и вещам*

25. *Стучаться*

26. *Перед изменением обстановки на кухне, в туалете, ванной, коридоре, советоваться с соседками*

27. *Использовать феминитивы*

28. *Помогать подруга подруге*

29. *Не применять физическое насилие*

30. *Не применять психологическое насилие*

31. *Быть толерантной*

32. ...

Помимо свода правил и записок о предпочтениях в пище, на холодильнике также можно было видеть листочки с паролем от сети, контактами квартирных хозяев и родителей.

Фотографии, отправленные Эль, загрузились. Она убрала телефон и огляделась, нашла глазами электрический чайник – на столешнице между мойкой и плитой. На носике и под крышкой белели кристаллики накипи. Разглядев их, Эль скривила губы. «Качество водички, очевидно, оставля-

ет желать лучшего». – рассудила она. Открыв крышку чайника, чтобы удостовериться в своих догадках, она обнаружила, что всё дно покрывал мутный налёт. Внутри было немного воды – хватило, чтобы наполнить банку.

Из обжитой (более подходящим словом было бы – живой) кухни она вернулась в свою пустую коробку, где стены были серые, как потолок. Была только зелёная хедера и переноска с котом. Эль бережно поставила банку, сама села на пол и заглянула в клетку к коту, как будто ожидая увидеть, что что-то изменилось. Будённый по-прежнему жался в угол, глядел оторопевшими круглыми глазами – а в них отражалось окно плоскими выгнутыми квадратами.

– Я тебе воды принесла, – сказала Эль и погладила кота.

Она собрала ладонью клочья вылезшей шерсти и колкие голубые искорки и подумала, что это – интересная идея для фэнтези-истории: цивилизация, поклоняющаяся кошкам как олицетворению богам-громовержцам.

Короткая вибрация телефона в кармане. «Обустроиваешься?» – пришло пришло сообщение. Эль ответила также кратко: «да», – бегло постукивая одним большим пальцем по стеклу дисплея. А ногти у неё – были хрупкие и ломкие, оттого она их коротко подстригала. Чёрный лак на них облупился.

Окно (квадратная прорезь-око) медленно изменяло цвета – это зимнее небо за ним темнело. Спальный район заиграл электричеством, и в темноте показывались разноцветные

прямоугольники окон: белые, жёлтые, зеленоватые, розовые, оранжевые... У Эль в комнате одиноко свисала с потолка лампа накаливания на длинном чёрном проводе, и на потолке от неё желтел круглый ореол.

В комнату тихо, проводя за собой скользкую тень, вошла Соя. Эль почувствовала присутствие – не услышала шаги. Заспанная Соя, как растрёпанная птаха – она стояла и блаженно улыбалась мягкими округлыми губами. Она сама не была полной, просто – округлой, что только сильнее бросалось в глаза на контрасте с угловатой Эль.

– Привет, – сказала Соя.

У неё был вкрадчивый мягкий голос, очень хорошо соотносившийся с её мягкой внешностью.

Эль улыбнулась ей.

– Привет, – и её голос прозвучал почти так же мягко.

Но ей – крупной, угловатой, удлинённой – совершенно не шёл этот плавный тембр. Ей бы – порезче...

– Я спала. Ты давно приехала?

– Ещё засветло, – пожалала плечами Эль, внутри себя судорожно пытаясь вспомнить, в каком конкретно часу.

Её жизнь, буквально, поминутно фиксируется таймкодами.

– Засветло? – переспросила Соя, устремив взгляд поверх собеседницы – в окно, где за стеклом темнело серо-лиловое небо. – А сейчас сколько времени? Кажется, я долго спала.

– Ничего страшного, – успокаивающе проговорила Эль.

– Сегодня давление семьсот тридцать четыре миллиметра ртутного столба, – и поймав удивлённо-заинтересованный взгляд Сойи, пояснила: – Низкое. Сегодня шёл такой снег!

Та смотрела и улыбалась.

А Эльль, на самом деле, всегда было не по себе от её взгляда: такие большие светло-голубые глаза... Она сжалась – скукожилась. Ей в принципе было не по себе от любого пристального взгляда, как если бы посторонние могли разглядеть те её страшные тайны, о которых Эльль и сама не подозревала. От взгляда этих круглых голубых глаз, однако, у неё были иные ощущения: Сойя смотрела слишком открыто и заинтересованно – как будто ожидала момента, чтобы восхититься...

Эльль боялась, что однажды необдуманном поступком загасит огонь в этих глазах и будет видеть в них только разочарование.

– Ты всегда знаешь, какое давление, – восхитилась Сойя.

– Я просто ежедневно мониторию метеосводки, – усмехнулась Эльль, не поднимая взгляда.

Она всегда стремилась всё упростить: как будто всё вокруг было громоздким уравнением, мельтешащим иксами и игреками, а она была математиком, сводившим его к элементарному примеру, из которого становилось очевидным, чему равен икс, а чему – игрек. Только со школы у Эльль были проблемы с математикой: у неё под руками знаки терялись и путались – и она об этом знала. Ей необходимо было пе-

репроверять по множеству раз и всё знать, потому что себе она не доверяла.

Чувствуя взгляд Сойи, то блуждающий по комнате, то задерживающийся на ней самой, Эльль мысленно гнала её, но одновременно умоляла остаться. Когда Сойя уйдёт, в пустой комнате наиболее остро будет ощущаться одиночество, но покуда она здесь, Эльль не может найти себе места.

– Хорошо, что теперь ты будешь жить здесь. Я рада, – сказала Сойя.

– Это тебе спасибо за наводку.

Вечером пришла Ди. Это оказалась худая, даже поджарая девушка с безразличным лицом. Втроём с Эльль и Рин они сели пить травяной чай. Ди смотрела безэмоциональными полулунными глазами, задавала какие-то общие вопросы и кивала головой.

– Ты работаешь? – на правах хозяйки спрашивала она новую жилищу.

– Да. На производстве.

– Ого!

Ди и Рин переглянулись.

– Неплохо...

– Нет, – мотнула головой Эльль. – Мне не нравится.

– Сложно? – спросила Рин. – Токсичный коллектив?

– В наименьшей степени – из-за этого. Это – оборонное предприятие. Мы изготавливаем детали для вооружения.

Бледные осветлённые брови Рин поползли вверх.

Ди задала вопрос:

– Почему тогда ты там работаешь?

– Больше негде, – с грустью отозвалась Элли. – Туда меня взяли. Я ж недоучка.

– Я тоже, – покачала головой Ди. – Первый пед, истфак...

– Биохимия!

– Я работаю баристой, – продолжила Ди. – А ты не думала пойти в общепит? Туда всех берут.

– Думала... Но мне очень тяжело общаться с людьми.

– Да, бывает такое, – согласилась Рин.

– У Рин, вот, есть социологическое образование, – заметила Ди, за чем та, о ком она говорила, как-то обречённо продолжила:

– Совершенно бесполезное. Я всё равно никогда не работала по специальности. Я стала копирайтером.

Элли смотрела на своих собеседниц и не без толики горечи думала о том, куда попала – куда привела её жизнь. Коммуна в её представлении была, в некоем смысле, небольшим оплотом свободы. Сюда она сбежала из консервативного алькова прежней жизни, где её в лицо называли позором семьи. Здесь, в коммуне, она чувствовала себя свободнее, но изнутри подтачивало чувство презрения к этим Ди, Рин, Соле за то, что они такие непутёвые. Это чувство презрения лелеялось и взращивалось в ней долгие годы, так что сейчас, находясь в этом месте и сидя перед Ди и Рин, она сама чувствовала себя самым настоящим позором семьи.

«Кажется, я делаю со своей жизнью что-то не так», – на-
брала она на телефоне под столом.

– Кстати, Эльль принесла кота! – заявила Рин.

– Ой, здорово! – обрадовалась Ди. – Теперь у нас будет кот!

Эльль улыбнулась и бросила взгляд на холодильник, где на магнитах крепился свод правил коммуны. Там было правило – она запомнила – экономить воду.

– Ещё я принесла хедеру, – тихо добавила она. – Что вы делаете с остывшей кипячёной водой?

Допив чай и оставив чашку, Ди немного помедлила и ответила:

– Выливаем или доливаем и заново кипятим.

– А могу я кое о чём попросить? – поинтересовалась Эльль и, уловив лёгкие кивки собеседниц, заговорила: – Я читала правила коммуны. Там было – экономить воду. Дело в том, что воду можно было бы выливать в кувшин или графин и банки, к примеру. Вода всегда нужна и, например, из кувшина мы могли бы пить сами, а из банок – поливать цветы и наливать коту. Я всё принесу!

У Ди загорелись глаза. Рин встала с места, подошла к холодильнику и сняла лист с правилами. Через мгновение он вместе с шариковой ручкой лежал на столе перед Эльль.

– На. Напиши это!

Эльль нерешительно подтянула бумагу к себе, взяла ручку и, бросив на девушек удивлённо-вопросительный взгляд,

написала мелким заострённым почерком:

32. Остывшую кипячёную воду из чайника выливать в графин или банки, из которых можно поливать цветы, и в банку коту

Год назад

Среди слушателей Эль, как всегда, пыталась рассмотреть его лицо – резкое и особенно выделявшееся своей бледностью в тёмно-сером полумраке большого зала. В том же уютном сумраке по стенам утопали стеллажи с книгами, потрепанные корешки прятали свои названия от посторонних глаз. Однажды она увязалась сюда – за ним, и уже несколько месяцев не пропускала ни одного мероприятия в «Локусе». Её стали здесь узнавать и по-дружески тепло приветствовали, а его – даже цитировали. Он говорил: «Читает каждая собака». Здесь его прозвали Кер, Кербер. А она – по своему обыкновению, называлась Эль.

Миниатюрная, как ребёнок, с бирюзовыми волосами и такими же бирюзовыми бровями, выйдя из-за кассовой стойки, Мята объявила:

– Следующий наш чтец – Эль, – и Эль поднялась с места, обогнула впереди сидящих и вышла на небольшую импровизированную сцену, единственное освещённое место в зале; по-домашнему обставленный пяточок: старый журнальный стол и такое же старое кресло, единственный источник света – торшер в большом, как широкополая шляпа, абажуре.

Кер со своей компанией (группой) стоял в дверях. Эль выловила взглядом его тонкое безучастное, как Луна, лицо.

Ей показалось, до того они на мгновение пересеклись взглядами. Затем неуверенными руками она сняла очки, положила их на столик у себя за спиной, к которому, по своему обыкновению, затем прижалась поясницей. Она всегда снимала очки, когда читала, потому что в одном из тех многочисленных чатов, в которых проходила её жизнь, кто-то сказал, что без очков она выглядит красивее. Ещё Эльль нужно было это мгновение, чтобы опереться на стол и осмотреть публику. На столик перед чтениями всегда ставили стакан с водой, из которого за весь вечер отпивал один лишь только Кер. Эльль предпочитала выходить со своей кружкой: ставила её на столик, а рядом складывала очки.

Расфокусированным взглядом она выбирала, кому на этот раз будет читать свои стихи. Это помогало ей собраться.

– Привет всем. Я называюсь Эльль, – говорила она, из груди напрягая голос, и с каждым словом её речь звучала увереннее, а близорукий взгляд всё шарил по публике в поиске лица, на котором можно было бы остановиться. – Эльль – от моего имени, Эллина. И я не поэтесса, скорее – так, поэтка. К своим стихам я не отношусь всерьёз и вам не советую...

Во втором ряду, даже без очков, Эльль узнала лицо Славика – приземистого пухлого актёра из любительского театра. Она никогда не общалась со Славиком особенно близко, но знала его как добродушного и дружелюбного парня, который превосходно умел притягивать к себе людей и его никогда нельзя было видеть одного. И в этот раз со Слави-

ком, завсегдаем «Локуса», кто-то был. Эль не могла разглядеть, кто это, но почему-то определила, что спутник Славика здесь впервые: что-то в том, как он держался, выдавало в нём новичка.

«Локус», являвшийся по факту барахолкой, представлял из себя, на самом деле, уникальное явление. Холл и три зала в полуподвале гостиницы «Берлин», заваленные всякой всячиной, от ношенной одежды и читанных книг до настольных игр и рукодельных безделушек, на самом деле был пространством, притягивающим сказочных, как называла их Эль, людей. Известные поэты, музыканты, художники, толкиенисты, хиппи, панки – совершенно разношёрстная и пёстрая публика, объединённая общим духом «Локуса». Эль могла поклясться, что мимоходом взглянув на кого-то на улице, безошибочно определила бы завседатая «Локуса» - и отнюдь не по значку на портфеле или куртке, а по другим особенным внешним деталям и, может быть, по лёгкому аромату старых книг и чая.

Теперь, выхватив это нечёткое, как мутное пятно Луны, незнакомое лицо в импровизированном зрительном зале, Эль невольно задалась вопросом: примет ли «Локус» новичка? – и, задержав на нём свой близорукий взгляд, она вдохнула полной грудью пыльно-книжный запах и начала читать:

Луна взошла в перигей заговаривать океаны,

Заглушать голоса морей - бледнолика и взгляд туманный.
Магнетизм, колдует прилив, сквозь пространство морей
воды манит,
Призывает идти вслед за ней, в костно-белом погрязнуть
тумане.
Шепчет морю: "Иди за мной, моя почва суха, здесь тебя
не хватает,
Мои сонные кратеры солью омой, пусть прибой мою кожу
ласкает".
Волны моря бушуют и бьют, и вскипают в порыве
взлететь,
Но их тянет на дно, не даёт им взлететь эта брэнная клеть,
эта брэнная клеть -
Это кожа Земли - камениста, шершава, песчанна;
И беснуется море, и претит ему земляная скалистая
ванна

Стихи свои Элль слагала для того, чтобы читать их вслух, а читать их так, как она, не мог больше никто. Читала она – как будто пела. Певучий, вязкий ямб происходил из-за самой её грудины, из каждого резонатора, и Элль, казалось, сама терялась в нём. Растворялась. Она сама превращалась в перформанс, брызжа энергией, и больше никого и ничего вокруг, как будто, не существовало. Разметались рифмы-крылья, оперённые прожитым... Элль уже закрыла глаза и не смотрела ни на знакомую публику, ни на новичка, а обратила взор внутрь себя.

Вот – она закончила. В короткую передышку перед следу-

ющим стихотворением она скользнула краем глаза по группе, теснившейся у дверей. Ей почему-то вспомнилось, как в вузе, в перерыве между парами, когда они вышли покурить, Кер, голубоглазый, с полуприкрытыми бледными веками, назвал её братаном. Она принесла забытый им в аудитории зелёный вязаный шарф, похожий, скорее, на уютный мягкий плед. Кер смял его тонкими пальцами и сказал:

– Спасибо, братан.

Эльз тогда молча улыбнулась и достала пачку «Мальборо-ред», с тёмной плашки у которой смотрел стянутый катарактой глаз.

«Сейчас он услышит», – не без стыда подумала Эльз и вновь обратила взгляд на размытое лицо незнакомца. Собравшись с духом, она выпалила первое слово:

– Вы, – и за ним напевно и очарованно полилось стихотворное признание, написанное тогда ею на лекции, когда запах табака на пальцах замаскировал запах уютного зелёного шарфа:

Вы меланхолически-красивы и изящны.

Вы вписываетесь в декорации монотонных
нагромождений

И прямых линий.

Любой бы счел за счастье

Иметь такого прекрасного друга, как из сновидений,

Как Дориан Грей.

А этот ваш город ночью всё равно - синий.

Вам не станет веселей,
Как на скамейке в парке, так и за городом на лужайке,
Но вы красивее именно в парке -
Просто потому, что чем ближе к градирям,
Тем вы красивее.
Чем вы ближе к промзонам -
Тем вы красивее.
Светлый лик - незнакомым
(Незаконно насиле).
Незаконно - насиле.
У вас руки красивые -
Изо мрамора высечены.
Словно статуя в парке - вы величественны.
Вы капризно молчите и жмёте губы,
А позади вас - красно-белые трубы
Накачивают небо смогом.
Кто смог бы
Пройти - и не бросить восхищенный взгляд,
Не обернуться назад -
Пройти мимо вас?!
Вы собираете на затылке густые пепельные волосы.
Длинными пальцами стряхиваете пепел.
Если говорите - томно, в полголоса.
Выпуская в небо дым, бросаете взгляды-плети.
Ваши взгляды - петли,
Нет ли?
Однако, если вас и любить - то только на расстоянии,
Что всем остальным стоит понять заранее.
И знаете ли вы ответ:

Что останется от вас через столько лет,
Сколько вы уже прожили -
То есть, через ещё одну жизнь?
Молитесь, что ничего, кроме пыли,
И несколько десятков (если не сотен) картин.

Метафизическая последняя точка – следует молчание. Элли замерла, с близорукой растерянностью глядя в зал и глупенько улыбаясь. Из-за стойки с кассой выступила Мята и помахала руками, напоминая слушателям:

– Обратная связь!

Элли нашарила на столе у себя за спиной очки, надела – и мир стал привычно резким. Тут же очертилось лицо Славикова спутника, и Элли стало дико неловко, оттого что их взгляды пересеклись. Она стала смотреть в освещённый угол, где за занавеской скрывалась дверь в туалет. Она услышала голос Славика:

– Молодец! – и аплодисменты.

– Сильно! – похвалила кудрявая девушка в жёлтых очках, сидевшая в третьем ряду.

Элли послала ей воздушный поцелуй.

– Спасибо, Совушка!

Её голос сделался привычно неуверенным и тихим, словно бы вся энергия была брошена в перформанс. Она как-то неловко повернулась спиной к публике, взяла со стола чашку, глотнула остывший чай из пакетика. Светильник в жёлтом абажуре освещал стакан воды, яснее очерчивая прямые

стеклянные стенки.

Эль мешкала у стола, стоя к ребятам спиной. Ей не давало покоя, что тот, для кого уже негласно наливают воду в этот стакан, слышал её робкое изящное признание. Вдруг – он смотрит на неё, всё так же стоя у дверей, и всё понимает?..

Мята мягко коснулась маленькой рукой пышного рукава её платья. Эль взглянула на неё и кивнула, сдвинулась с места. Проходя к своему одинокому стулу, Эль заметила, что среди людей, стоявших у входа в зал, Кера не было. Ей стало одновременно и горько, и легко.

Маленькая Мята невнятно объявила следующего чтеца. От места возле Славика отделилась тень, и на освещённый островок к столику вышел тот самый запримеченный Эль новичок.

Выглядел он как-то совсем непритязательно: не особо высокий, угловатый и с непропорциональным лицом, длинными руками вдоль широкого, почти квадратного туловища. Со стороны он выглядел нахальным, любящим внимание, и по его лицу скользила ядовитенькая ухмылочка, когда он представлялся и что-то говорил – Эль не слушала, она пыталась вспомнить, где бы могла видеть его. Она даже спросила шёпотом у сидевшей перед ней Совушки, закутавшейся в шаль с пёстрым орнаментом-опереньем:

– Это кто?..

– Не знаю, – пожала та плечами. – Но он мне не нравится...

Эль поджала губы и обратила взгляд на импровизированную сцену.

А новичок сделал то, что потрясло «Локус». Этот акт истинного нахальства после никто никогда не обсуждал, но каждый завсегдатай «Локуса» остался глубоко потрясён. Новичок встал вполоборота, вытянул тонкоcostную руку и взял со стола стакан. В этот момент все, находившиеся в зале за-тихли, а само пространство, похоже, наэлектризовалось, как воздух вокруг ЛЭП, от осуждающих взглядов. Если бы кто-нибудь в этот момент принёс откуда-нибудь люминесцентную лампу, в её белой трубке без подключения к контактам сам по себе зародился свет.

Новичок, как будто насмехаясь надо всеми, невозмутимо промочил горло из стакана Кера, затем так же невозмутимо поставил стакан на место (в нём брезгливо плеснулась вода) и развернулся к залу...

Тут грянул громовой раскат – нет, пророкотал голос:
Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —

значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Все замерли.

Этот парень читал только Маяковского – своим зычным

голосом, от которого, казалось, дрожали стены. Совушка застыла, словно околдованная этим голосом, а Эль сидела на своём стульчике, скрестив и поджав ноги, держала пустую кружку с биркой чайного пакетика и щурилась, всматриваясь в фигуру чтеца у журнального стола. Где бы она могла его видеть? Где слышала этот раскатистый баритон?

Конечно, он напрягал голос, потому что когда представлялся, говорил по-другому, но наверное, именно так сам Маяковский и читал свои стихи с помоста.

За выпущенным последним словом повисла тишина. Впечатлённая публика осталась в замешательстве. Чтобы разрядить обстановку, Мята осторожно выступила из-за стойки и напомнила своим детским голоском об обратной связи. На фоне миниатюрной Мяты чтец, сам по себе и не особо-то высокий, выглядел очень даже внушительно. Он стоял, самодовольно ухмыляясь, пока из зала летели похвалы, и казалось, «Локус» простил наглецу стакан Кера...

– Вы прямо как настоящий Маяковский! – крикнула с места восхищённая Совушка.

– Спасибо! – отозвался своим деланным зычным баритонном парень.

Эль думала спросить, где могла его видеть, но тут Мята объявила:

– А сейчас – перекур! Пятнадцать минут. Если вы не успели, то сейчас можете записаться на свободный микрофон, – и указала маленькой ручкой в сторону стенда с примагни-

ченным листком для записи.

В перерыве Элли решила обойти «Локус». В одном зале, куда она заглянула, какая-то девушка примеряла плащ с заедающей молнией. В холле, на столе с чаем и чашками, горел красный глазок кипящего бойлера. По всему «Локусу» были развешаны записки для посетителей, написанные от руки разноцветными фломастерами. Например, на большой коробке с чаем, возле которой Элли оставила салатовую чашку, была записка:

*ЧАЙ, САХАР, ПЕЧЕНЬКИ И ПЛЮШКИ
УГОЩАЙСЯ!*

Не забудь потом помыть за собой чашку

Элли ополоснула свою чашку тут же в раковине и поставила сушиться к другим.

В тесном гардеробе, как оберег от карманников, висела записка:

ЖУЛИК, НЕ ВОРУЙ!

В завале зимних курток Элли отыскала свою и вышла покурить.

Холодная осенняя синь на улице, а по ней разбросаны жёлтые окна бизнес-центр «Берлин». Во дворе алеют бусины тлеющих сигарет, нанизанных на нити дыма. Элли остановилась и огляделась.

– Элли! – окликнула её подперевшая плечом стенку Мята.
– Офигенные колготки!

– Спасибо, – отозвалась Элли, зябко переминаясь тонки-

ми ногами, расчерченными поперечными чёрно-белыми полосами.

Рядом с Мятой столпились другие ребята. Эльль застенчиво подтянулась поближе к ним, но остановилась поодаль, закурила свой «Мальборо-ред» и обратилась к Мяте:

– Где Кер?

– Ушёл.

– Ясно, – вздохнула Эльль, опуская лицо и задумчиво вскидывая брови.

– Он ушёл перед тем, как ты второй стих начала читать, – подал голос стоявший тут же Славик.

– Я поняла.

Эльль посмотрела на него, выглядевшего ещё более пухлым в серой куртке, чуть переместила взгляд и увидела рядом того парня, которого окрестила про себя Маяковским. Тот курил, кажется, небольшую сигару, запах табака от которой был более густой и сладкий, нежели от сигарет. Можно было заметить при этом, что Маяковский курит не взатыг, и причмокивая, пускает колечки дыма.

Эльль подумала про Кера, который бывало, выходя на перекуры в этот двор, набивал и закуривал маленькую чёрную трубочку. Его табак тоже пах более насыщенно, нежели сигаретный.

– Кстати, Эля! – окликнул её Славик и при этом, показалось, подпрыгнул, как мягкий резиновый мячик. – Тебе ещё не представил: это мой товарищ – Стар.

– Очень приятно, – мягко улыбнулась Элля его спутнику.

– Взаимно, – отозвался Стар. – А у вас очень хорошие стихи.

– Спасибо... – едва слышно проговорила Элля и хотела сказать «у вас тоже», но тут же одёрнула себя, а Стар тем временем продолжил:

– И читаете неплохо.

Тут Элля сказала:

– И вы тоже.

– Наверное.

– Мне тоже нравится Маяковский, – произнесла Элля, внутренне коря себя за многословность. – Мне нравятся стихи, написанные для того, чтобы их читали вслух.

– Не слушай её, – перекатился хохотком Славик, обращаясь к Стару. – Ей не нравится Маяковский, ей нравится Пастернак. Если не своё – так всё время читает «Марбург» или «Заместительницу».

Элля деланно насупилась

– Между прочим, Пастернак – тоже футурист! Они с Маяковским вместе «тусили». Есть фотография кружка кубофутуристов, где они в одном кадре.

– А потом твой Пастернак написал «Доктора Живаго», – невозмутимо заметил Славик.

Элля парировала:

– Ну, Маяковский-то ещё до того застрелился, так что-о... Славик прищелкнул и ехидненько обратился к Стару, кивая

на неё:

– Любит всяких диссидентов, вишь!

– Нет, ну, Пастернак объективно хорош, – передёрнул тот плечами и затянулся долгой сигариллой, которая, как казалось, никогда не докурится.

Найдя поддержку, Эльль многозначительно посмотрела на Славика и поджала пухлые губы. В темноте, покрашенные очень тёмной помадой, на её выбеленном лице они контрастно выделялись.

Пауза.

Ребята, чтецы и слушатели, потихоньку докуривали и возвращались в светлое и уютное чрево «Локуса» занимать места перед вторым актом. Ушла Мята, ушла Совушка. Они остались втроем: Славик с вейпом в вязаном мешочке, Старый и Эльль, на автомате достающая уже третью сигарету.

– Паровозик чух-чух-чух, – усмехнулся Славик, глядя на неё.

Эльль закатила глаза.

– Ой, кто б говорил, а!

В темноте послышался смех Старого. Только что слышавшая его зычный голос, когда он читал стихи, Эльль не поверила бы, что эти звуки может издавать один и тот же человек. Смех у Старого был контрастно визгливый, гиений, неприятный. Да и весь он был – неприятный.

А он – пошутил:

– Если тебя сейчас гильотинировать – ну, вдруг, случайно

– то ещё полчаса можно будет наблюдать, как ты выпускаешь пар. Ещё и – двойное яблочко!

Эльль почему-то прыснула, хоть и не поняла.

Славик тоже засмеялся своим булькающим смехом.

– А если тебя иголкой уколоть – из тебя тоже пар выйдет и ты сдуешься? – подхватила Эльль шутку, на что Славик, с присущей ему невозмутимостью, сказал:

– А ты попробуй!

– Я попробую, – вступил Старый. – Вот будешь в следующий раз забивочку делать – я-то у тебя иголочку возьму...

Эльль замолчала и наблюдала за ними, а перед её глазами светился мокрый асфальт, к которому прилипли плоские листья. Силуэты Славика и Стара расплылись в вечере, её внимание переключилось на ржавые отпечатки листьев на земле. Как в трансе, её губы зашептали, с каждым разом всё громче и увереннее:

...Ещё пышней и бесшабашней

Шумите, осыпайтесь, листья,

И чашу горечи вчерашней

Сегодняшней тоской превысьте...*

Она читала – и как будто сама превращалась в игольчатый дождь, рассыпаясь на лёгкие блёстки. И читала она сама себе или колючему вечеру, но из-за сине-дымной поволоки к ней

был прикован взгляд пары синих глаз...

– Красиво, – сказал Стар, когда она закончила.

– Ой, – растерялась Ээль. – Вы слышали?..

Ещё больше её застало врасплох то, что она обнаружила: во внутреннем дворе гостиницы «Берлин» они остались вдвоём. Ээль поискала взглядом Славика, а потом внезапно севшим голосом спросила:

– Где он?

– Ушёл внутрь, – отозвался Стар таким колким тоном, словно из всех возможных глупых вопросов отвечал на глупейший.

– Ушёл, – повторила Ээль, судорожно затягиваясь. Её замёрзшие руки уже не могли держать сигарету, а колени тряслись и ныли от холода. – Все ушли!

Тон у неё стал какой-то жалобный, обиженный.

А Старый окинул её взглядом и неожиданно мягко, сочувственно спросил:

– Озябли?

– Нет, – соврала Ээль.

– А чего тогда дрожите?

– Разве? Вам кажется.

– Ну, как знаете...

Ээль затушила сигарету и направилась ко входу в «Локус». В предбаннике она обнаружила, что её нагнал Старый – обернулась и увидела его лицо. Вблизи, при электрическом свете она увидела, какой он красный с мороза, вплоть до кон-

чиков ушей, и отталкивающий. А он опасно глядел на неё из-под тяжёлых, нависающих складок век синими глазами – синими, как оставшийся за дверью холодный сентябрьский вечер – и нахально улыбался потрескавшимися губами.

Форма и черты его лица чем-то подсказали Ээль, что перед нею не москвич – те, как правило, обычно более пропорциональны и веки у них как будто меньше нависают...

Она отвернулась, пытаясь не обращать внимание на Стара. Ей хотелось поскорее сбросить тяжёлое от пропитавшей его влаги пальто и пройти налить тёплого чая.

Стягивая с плеча рукав, Ээль почувствовала, что её пальто держат... Она нахмурилась, обернулась – и обожглась колючим взглядом синих глаз.

– Позвольте за вами поухаживать, – промурлыкал у неё над ухом Старый, дыша мягким табачным запахом.

Кроме табака, от него пахло горьким одеколоном – так сильно, что при каждом его движении только сильнее щипало в носу.

Ээль отвернулась, поджала губы, разрешила:

– Ну, попробуйте, – и игриво передёрнула плечами.

Старый помог ей снять пальто, повесить на плечики, затем принялся раздеваться сам. Ээль прошла в холл, подальше от горьких запахов, обострившихся, когда Стар разматывал шарф на шее.

*ЧАЙ, САХАР, ПЕЧЕНЬКИ И ПЛЮШКИ
УГОЩАЙСЯ!*

Не забудь потом помыть за собой чашку

Эль шарила по столу взглядом. Чашек на нём стояло чуть больше, нежели в начале перерыва, и все – разномастные. Были большие, просто монументальные кружки, были небольшие изящные чашечки, были старые, были новые, были со сколами, были гладкие, были в горошек, были в цветочек, были с надписями, а салатовой с большой круглой ручкой – не было.

– Кто-то взял! – взвилась Эль. – Руки оторву, сволочи...

Над нею возник Стар в душном табачно-одеколонном ореоле.

– Чашечку потеряли?

– Её кто-то взял. Но она и не моя, так-то. Просто – цвет нравится. Всегда её беру.

– А какого она цвета?

Старый неумолимо нависал над ней, глядя большими, всепоглощающими синими глазами. У него шерстяной пиджак был под цвет глаз, только на лацкане краснел значок с профилем Ленина. ВЛКСМ – Эль обратила внимание. Почему-то это её немного воодушевило. Небольшая деталька – тут же сделала Старого в её глазах не настолько отталкивающим...

Эль посмотрела зелёными глазами из-за очков.

– Салатовая.

Старый окинул стол внимательным взглядом и хмыкнул:

– И правда ж – кто-то взял.

Эль раздосадовано покачала головой.

Из зала доносился чей-то голос, читающий стихи.

Стар достал из-за пазухи плоскую фляжку, открутил пробку – и тут же пахнуло травами. У него были угловатые гибкие пальцы с толстой кожей на сгибах.

– Будете? – спросил он, предлагая Эль фляжку, заманчиво пахшую пьяными травами. – Всё-таки, согреться надо – на холоде сколько простояли.

– Спасибо, пожалуй, откажусь.

Взяв первую попавшуюся чашку, Эль ополоснула её, бросила внутрь пакетик ягодного чая и залила кипятком из бойлера.

– А я – не откажусь, – сказал Стар и запрокинул фляжку.

В кипятке у Эль медленно расплывалось тёмно-лиловое облако, как будто в воду обмакнули кисть с краской.

– Что у вас за чай? – поинтересовался Стар.

– Ягодный, – отозвалась Эль. – Вон там можно взять.

– Мм, пахнет приятно. Вкусный?

– Для чая из пакетика – вполне сносно, – кивнула Эль. – Обычно такой в буфете на учёбе беру.

– Вот как. Учитесь, значит? На кого?

– На биохимика. А вы?

Стар улыбнулась мягкими красными губами.

– Физтех.

– О-о, – протянула Эль, медленно качая головой.

Всё это время она не сводила глаз с рубинового значка

ВЛКСМ на лацкане Старого, как будто Ильич на знамени мог внезапно ожить и пошевелиться, а она боялась это пропустить.

– Вы – коммунист? – наконец спросила она.

– Марксист.

– А впрочем, не удивительно: вы пришли сюда, со Славиком, – рассудила она, отпивая чай, а пар осел конденсатом на стёклах её очков. Она отставила чашку и сняла их, чтобы протереть подолом изумрудно-зелёной юбки. – Многие, кто здесь бывают – леваки, а со Славиком-то – уж и подавно...

– Я не «левак», – возразил Старый.

Эль закатила глаза.

– Ох, ну а кто тогда?

– Секретарь комсомольской ячейки.

– Ле-вак, – заключила Эль.

– Нет.

Старый смерил её взглядом.

– Пойдёмте. Там – читают, – сказала Эль, взмахнув в сторону прохода, в котором слышались отголоски стихов.

– Я не хочу, – мотнул головой Старый. – Мне вполне хватило первого акта. Вряд ли теперь можно будет услышать что-то стоящее, кроме унылых графоманов. А вот вас бы – я ещё раз послушал.

– Ну, как знаете. Я уже отчитала свою программу и теперь хотела бы послушать других. Уверена, там ещё выйдут талантливые поэты.

Старый покосился на неё из-под густых растрёпанных бровей, таких же пепельных, как его голова. В выражении его глаз было что-то щенячье.

– Значит – пойдёте?

Эльз замешкалась. Она и сама устала за первую часть. Она достаточно хорошо знала местную публику и знала, что настоящих *поэтов* среди них – от силы, один процент. Все остальные, как выразился Старый – унылые графоманы.

– А вы можете предложить хорошую альтернативу?

– Отчего же – не могу? В центре, я знаю, есть один замечательный бар...

*Пастернак Б. Л., «Осень», 1949

Ближайшая ночь

Если бы у Эльь спросили, почему она покинула «Локус» с этим малоприятным человеком и поехала в центр, она бы ответила просто: что это – авантюра. Свою жизнь она считала исключительно серой и пресной, и если вдруг спонтанно выдавалась возможность совершить авантюру, она ею тут же пользовалась. Однако она написала своей подруге Ксюше:

19:17

еду в центр

мб до утра

я со Старым

его тут все видели

друг его –

и скинула ссылку на страницу Славика.

И они двое канули в осенний вечер, жёлтый от деревьев и электричества.

В светлом и просторном метро ещё не схлынули толпы, и в тесном вагоне, а затем в течении людского моря на переходах между станциями и выходах, Эльь тихо спросила Стара:

– Можно я буду за вас держаться, чтобы не отстать?

Тот кивнул, придерживаясь одной рукой за поручень над головой – с вытертым хромированием, слегка наэлектризованный. Эльь нашарила и сжала его грубую горячую руку, под кожей которой прощупывались кости и жёсткие жилы.

На самом деле, ощущение того, что её в этой толпе держат за руку, подавляло у Эльль приступ агорафобии. Она стояла с отстранённым лицом, сосредоточенно держась за Старого, у которого была цепкая паучья хватка, и смотрела на своё бледное отражение в тёмном стекле.

Объёмные от холодной погоды пассажиры толкались и покачивались вместе с вагоном.

– Вообще, я живу в Щёлково. Это за Мытищами, ну, подалее... А в Мытищах как раз – «Метровагонмаш», – говорила Эльль. – Собирают вагоны для метро по всей стране: в любом российском городе, где есть метро, есть мытищинские вагоны. Даже кое-где за границей тоже, например – в Будапеште.

– Интересно. Никогда не задумывался, где делают вагоны для метро, – признался Стар.

Лицо Эльль тронула улыбка. Она не была лишена, в известной мере, местечкового патриотизма и любила рассказывать о своём городе, соседних городах, их значимости, например, в промышленности, хотя задней мыслью понимала: что Щёлково, что Мытищи – рядовые подмосковные города. Житель любого такого может рассказать о своей малой родине с такой же важностью.

– Теперь знаете, – подмигнула Эльль. – Как-то я чуть не связалась с РРП, о-ой... Мы двумя ребятами оттуда вдоль кирпичной стены как раз «Метровагонмаша» в Мытищах от патрульных бегали. Где мои семнадцать лет?..

– Уважаемо, – покачал головой Старый. – Меня, прости господи, тоже как-то к ним занесло. Узнал, что Биец* всё ещё не помылся, и больше на их собраниях не появлялся.

Эль хохотнула.

Председатель «Революционной рабочей партии» имел весьма неопрятный внешний вид и на людях, поговаривали, в любую погоду, появлялся в одном и том же растянутом сером свитере – оттуда-то и пошла эта шуточка среди левых: осведомляться у членов партии, помылся ли их лидер. Казалось, она была уже такой же старой, как и пресловутый вечный свитер...

– Вообще, мы ходили туда с газетками, – сказала Эль. – У людей была очень разная реакция, но мне особенно запомнился один мужик: белобрысый, с вот этой вот чёлочкой... Ну... Он остановился, пролистнул нашу газетку и говорит такой: «Это, конечно, всё хорошо и правильно написано, но на деле будет такая же наёбка, как и у Ленина...»

Из метро они вышли на бульвары, скрылись от дорожной пыли в аллеях. Чёрные деревья тянули свои кривые голые ветки к небу, и сквозь их сплетения просвечивали цветные прожекторы: попытки как-то скрасить стремительно удлиняющиеся ночи.

– Можно, я возьму вас под руку? Я привыкла ходить под руку с... молодыми людьми, – говорила Эль.

– Ну, берите – раз привыкли, – говорил Старый, отставляя локоть.

Эль повисла у него на руке, думая, что определённо делает со своей жизнью что-то не то, но две вещи прощали её: здесь и сейчас ей было хорошо, а потом она никогда в жизни больше не пересечётся со Старым. Несмотря на то, что и в большой Москве все левые активисты знакомы друг с другом через энное количество рукопожатий и зачастую даже пересекаются на разного рода мероприятиях, какова вероятность, что при очередной такой встрече у них обоих вообще будет возможность вспомнить эту прогулку? Разве что Эльль тихо похвастается какой-нибудь рядом сидящей товарке, что как-то раз гуляла по бульварам с секретарём комсомольской ячейки Старым, а до того потом дойдёт, что он и спал с той девчонкой, которая подружка какой-то анархистки-не-анархистки – как, бишь, её там?.. Эльль-Эллина-Элечка-Элька-Элка-Электричка... Или та анархистка – Эльль; а эта тогда – вообще кто такая? Да и что с неё взять – просто нашла тусовку. Пришла в левый движ ноги раздвигать: парней же в движе много. Такие – как надо что-то серьёзное, так сразу след и простынет. Да ещё сдаст, в случае чего, глазом не поведёт. Девки вообще – товарищи ненадёжные...

– Да мы вот тоже ходили как-то с товарищами на завод один, тоже – газеты заводчанам раздавать, – рассказывал Старый, – так у нас одному чуть морду не набили, дурачок ибо. Уже и вахтёр вышел... Нас из-за него чуть всех не повинтили. Вот, мы пришли, кстати, – сказал он, заприметив за деревьями светящуюся фиолетовым вывеску.

Они свернули, перешли дорогу.

– Ой... – осела Ээль. – Я забыла паспорт...

– Эх, жаль, – причмокнул Старый, но тут же выставил вперёд ладонь, жестом человека, который может всё решить. – Сейчас всё уладим. А сколько вам лет, кстати?..

– Девятнадцать, – ответила Ээль и чуть помолчала. – А вам?

Она почему-то была свято уверена, что спутник старше неё самой на, как минимум, пару лет. Оттого её очень удивило, когда Старый ответил:

– Ну, мне тоже.

Затем на её изумлённых глазах он подошёл к охраннику и объяснил, что так мол и так, милая дама изволила забыть паспорт – но он готов поручиться, что она – совершеннолетняя. Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы его очаровательная спутница смогла пройти с ним? Лысоватый охранник наклонился к Старому и сказал:

– Двести! – и Ээль это отчётливо услышала собственными ушами, но Старый переспросил:

– Что? Триста? – полез и отсчитал три коричневых сто-рублёвых купюры.

Ээль растерянно промолчала.

Охранник тоже ничего не сказал, но их пропустил.

В баре играло, кажется, “Anybody seen my baby”. Присаживаясь на диван в дальнем уголке, Старый заметил:

– Здесь обычно ставят очень хорошую музыку.

Подошла официантка, принесла два крафт-листа с меню. Старый подал один Элли, другой положил перед собой.

– Ну-с, что будете? Я угощаю.

– Не знаю, – растерялась Элли, вперив разбегающийся взгляд в меню.

– Здесь наливают неплохой сидр. Предлагаю с него и начать.

– Давайте, – согласилась Элли. – Любою сидр.

– Два сидра, пожалуйста, – обратился Старый к официантке, ожидавшей неподалёку.

Она оставила одно меню на столе и ушла.

Старый упёрся локтями в стол, сцепил руки в замок и с интересом посмотрел на Элли. В приглушённом свете бара она казалась чужеродным ярким пятном, что кажется, сама понимала, и чего стеснялась. Она сидела, опустив плечи и зажав сложенные лодочкой ладони между коленями (печальный паяц).

– Что-то вы какая-то грустенькая...

– Устала немного, – вздохнула Элли и невпопад вставила:

– А ещё у меня шизотипическое расстройство.

– У-у, – пробасил Старый, – понапридумывают себе диагнозов...

В его сторону метнулся суровый взгляд зелёных глаз.

– Ах, если бы я придумала! Могу выписку показать.

Старый воздел руки, как бы сдаваясь:

– Ладно, ладно. Верю, – а потом невесело добавил, как

будто для самого себя: – Вокруг меня что-то подозрительно много девушек с какими-то расстройствами...

Эль не расслышала – потому что в этот момент ей позволили. Она сняла трубку и раздраженно заговорила:

– Да, алло? Мам, не ждите... Я – нормально... Просто уже поздно, переночую у Ксюши... Где я? У Ксюши... Да не жди!.. Что – «Эля-Эля»?!

Старый не сводил с неё внимательных синих глаз. Когда она закончила говорить по телефону, ухмыльнулся.

– Значит – Эля?

Музыка в баре сменилась с “The Rolling Stones” на немцев: заиграл “Das Model” “Kraftwerk”.

– Допустим, – выпалила Эль, удивительно безбоязненно глядя Старому прямо в глаза. – Но для вас – Эль!

Она привыкла, что в движе её знают по прозвищу. Однако, она призналась бы, что из уст Старого её имя – Эля – прозвучало приятно и мягко. Ещё она поняла, что вообще не имеет ни малейшего представления о том, как зовут её спутника – Старый и Старый, как Славик представил. Так-то, а не всё ли равно? Даже если не брать в расчёт то, что она не предполагала когда-нибудь его видеть, Эль не имела привычки произносить вслух чужих имён, словно бы окружающие, в самом деле, были безымянными. Также для неё они были и безликими: Эль было сложно поддерживать зрительный контакт с людьми, оттого она не запоминала лиц. Голос, движения, фигуры – вот из чего в её голове обычно

складывался человеческий образ.

«Но в самом же деле, не бывает безымянных людей, – принеслась у неё в голове мысль. – Интересно, Старый – это фамилия?» – и тут же отдалось громким эхом: «Не бывает!» – так оглушительно, что заложило левое ухо, будто по нему ударили со всей силы. Эль коснулась его бугорком ладони и тряхнула головой.

Старый будто прочитал её мысли (или расслышал голоса в голове).

– Извиняюсь, да я сам ещё толком не представился: Старицкий, Пётр.

Пытаясь угомонить отголоски громкой мысли в голове, всё так же зажимая ухо рукой, Эль вдумчиво повторила его имя:

– Пётр Старицкий – прямо как какой-нибудь боярин. А я – как Всесоюзный староста. Но это неважно.

Старый – вот оно что! и правда, прозвище по фамилии – внимательно смотрел на неё. Эль сидела, сползая с дивана, на самом краю, и всё держалась за ухо.

– Ушко застудили? А вот надо было шапку надевать, – назидательно, как ребёнку, произнёс он.

Эль только отмахнулась, наконец, отняла руку от уха.

Принесли сидр – два стройных полулитровых бокала. В светло-золотистом напитке от стенок откреплялись и поднимались вверх бисеринки-пузырьки. Эль поднесла острый лисий нос к бокалу и вдохнула лёгкий запах подпревших яб-

лок, какой можно уловить в саду в августе-сентябре. На вкус сидр, как и говорил Старый, тоже был неплох. Как август или сентябрь.

Они разговаривали про Карла Маркса и Трирский пивной клуб, про «кабаре Вольтер» в Цюрихе, куда Ленин заходил выпить пива и сыграть в шахматы с Тристаном Тцарой. Говорили о поэзии, об изобразительном искусстве и кино. Говорили об общих знакомых и «Локусе», а за сидром следовали шоты тёплого «Ягермейстера» с дольками апельсина.

– Вообще, меня в «Локус» привёл Кер, – рассказывала Элли, а её голос предательски трясся от упоминания о нём. – Он мой однокурсник.

– Это который?.. – задумчиво насупился Старый.

– Который вначале читал хтонь про панельки и прямоугольники. Высокий блондин, – пояснила Элли. – Он ещё сказал: «читает каждая собака»...

– А, местная знаменитость? – понимающе запрокинул круглую, как яблоко, голову на подвижной гибкой шее Стар. – Ну да, читает неплохо. Но вы – не хуже.

Элли смутилась. А он продолжил:

– Вообще, я сам тоже стихи пишу. Но никогда никому не читал. Вообще – стараюсь не показывать.

– Почему?

– Мне кажется, они недостаточно хороши.

Голос у Старого был вкрадчивый, низкий, такой густой, что даже на расстоянии можно было ощутить, как он зарож-

дается под мощными рёбрами. У Эльль от выпитого покрывалась голова. Ей хотелось вытянуть руку, прикоснуться к его груди и поймать в ладонь мягкие бархатистые вибрации. Ещё ей хотелось – на улицу. В пустынном помещении бара, где из посетителей были только они вдвоём, казалось, было очень душно. Хотя бы один глоток свежего воздуха...

Старый тоже покраснелся, размяк.

– Будете что ещё? – осведомился он у Эльль, на что та помотала головой.

– Давайте погуляем.

– Зачем? Здесь можно посидеть до утра. Бар до пяти, но по факту – до последнего посетителя. Давайте посидим, тем более – я вас угощаю!

– Ну вот тоже! – воскликнула Эльль. – Сколько там уже вышло? И вообще, в меня уже не лезет, да и здесь душно.

– Ну ладно, ладно, уговорили...

Старый, кряхтя, прямо как настоящий старик, поднялся с места, потянулся, подаваясь вперёд мощным корпусом, завёл руки за голову. Эльль копалась в своих вещах, кучей брошенных на диванчик, хотя тут же неподалёку стояла тощая вешалка. Где-то в чёрном пальто потерялся такой же чёрный шарф, чёрная сумка, а полумрак в помещении только усложнял поиск.

Старый достал из своей куртки бумажник и, не глядя, раскрывал его большими руками, говоря:

– Пойду на бар оплачу.

– Угу. Скажите сколько – я верну, как будет возможность.

– Не надо, – отмахнулся Старый.

Они вышли – и дышать стало свободнее. Эль повисла на руке Старого, и они нырнули в пустынные бульвары. Под ногами похрустывал гравий. Стар ходил быстро, а Эль вцепилась в его плечо и семенила следом. При достаточно высоком росте и длинных ногах у неё был маленький, как у японской гейши в длинном кимоно, шаг. В детстве мама говорила, что у настоящей женщины должен быть маленький шаг.

Они шли, топтали хрустящий гравий и разговаривали.

– Я принципиально не состою ни в каких организациях, – говорила Эль

– Тоже правильно.

– Да от меня бы и пользы не было. Я-то и заагитировать никого толком не смогу.

– У-у. А я – могу. Так одну монархистку сделал истовой марксисткой, – гордо начал Старый, но с каждым словом становился всё грустнее. – А потом она ушла в совсем субкультурщину, я посмотрел на неё и подумал: и это я вырастил? Начала встречаться с одним товарищем... Знаете, как это у коммунистов принято – вдвоём любить одну?..

Эль подумала о Кере и крепче сжала локоть Старого. Старого ей стало жалко. И на бульварах стало как будто ещё темнее и пустыннее, и вообще всё вокруг – ощущалось отрешённо, как в мрачном одиноком сне. Мягкий алкогольный туман освобождал рассудок, оставляя саднящую грусть.

Эль чувствовала себя свободно, думая о том, что когда закончится ночь, их со Старым пути разойдутся. Не надеясь запомнить, она посматривала на бледный профиль Стара, как будто клином сходящийся на кончике крупного носа, и думала о том, что есть и очень красивые люди, но они как будто какие-то другие, и не люди вовсе... Она боялась людей, красивых – боится особенно, но одновременно и тяготеет к ним.

Кер – объективно красивый: так считает однокурсница Лена, а ещё так сказала Тая, увидев его фотографии на странице.

Впрочем, Эль и в адрес своей внешности слышала комплименты. Ей это, конечно, льстило, но она держала в голове, что красивых девушек много, потому что славянки, в принципе, считаются красавицами. Та же Тая говорила, что в России красивых мужчин мало, повторяя за известным модельером: мол, весь хороший генофонд полёг на многочисленных войнах. Эль с читала, что на самом деле, это конечно же, бред, потому что воевали, так или иначе, все страны.

Ещё Эль вспомнила про красивого Клима, про которого Тая тоже говорила поначалу, что он – красивый. А потом говорила, что это больной человек. Горькие воспоминания.

– А я не хочу никого любить. Хочу просто, чтобы сейчас было хорошо, а дальше – ничего не хочу, – сказала Эль, держа Стара под локоть и глядя на чёрную, в ночи похожую на мазут, гладь пруда в железобетонной чаше.

Сергей Биец* (1968–2019 гг) – основатель и лидер «Революционной рабочей партии», незарегистрированного марксистского, а именно троцкистского, движения.

Кофейня

Радиальная Москва – заключена в концентрические круги, окольцована: Бульварное, Садовое, Транспортное... Имя им – Легион! В отличие от других мегаполисов, в Московских улицах нет и никогда не было чёткого порядка, и на планах они, например, не рыбий скелет, как Нью-Йорк, а как лабиринт: улицы, улочки, переулки, проезды, сети проходных дворов, тупики... Если в центре зайти в какой-нибудь один двор, то через него всегда можно пройти на ближайшую улицу, срезав путь (но только в том случае, когда нигде не перегородили подворотни).

Свернув с бульваров, Старый и Элль оказались в узкой петляющей улочке, по красной линии которой теснились, плечом к плечу, невысокие дома из разных времён. Ампиры, модерн, конструктивизм – все здесь смешались в ленте окон и стен. Старый сказал:

– Мне не нравится Москва. Это какой-то архитектурный бордель.

– А мне кажется интересным отсутствие единства стиля, – возразила Элль. – Но мне не нравятся открытые пространства, ещё – что много машин и мало деревьев. В моём городе не так.

– Да, машины – это беда, – согласился Стар.

Из переулка возникла фигура и, пошатываясь, направи-

лась навстречу молодым людям. Элля испугалась и прижалась к плечу своего спутника, будто бы искала защиты. Фонарь осветил морщинистое, с провалами глаз, лицо престарелого мужчины, окаймлённое белой бородой. Одет он был в светлое пальто, а вокруг шеи обмотал длинный тонкий шарф.

Увидев Старого и Элля, мужчина остановился.

– О! – воскликнул он, словно неожиданно столкнулся со старыми друзьями. – Молодые люди!

От него остро пахло алкоголем, он топтался, пошатываясь на ногах. Выглядел он при этом не представляющим опасности, и Элля немного расслабилась. Старый замер, прижимая её руку локтем.

Незнакомец в пальто икнул. После он полез за пазуху, и в его руках появился ополовиненный пузырёк коньяка.

– Выпьете со мной? – спросил он, протягивая пузырёчек.

Элля и Старый переглянулись.

– Выпейте, – уговаривал мужчина. – Я – поэт, между прочим...

Элля не нашла ничего лучше, чем сказать:

– Я тоже.

Мужчина заинтересованно посмотрел на неё.

– Виктор Мирошников, – представился он. – Можете найти в интернете. Вот, попробуйте, – обратился он к Старому.

Элля взглянула на своего спутника и увидела, что тот достал и включил телефон. Мужчина в пальто встал у него над

плечом, дыша спиртягой, водил пальцем над его телефоном среди представившихся ссылок. Когда искомая страница на поэтическом сайте была найдена, вытянулся, подбоченился и самодовольно заулыбался, скалясь железными зубами.

– Ну, выпьете со мной? Если не хотите здесь – можем пройти во дворы.

Эль помотала головой и потянула Стара за собой.

– Извините, но мы, вообще-то, очень торопимся на метро! Пойдёмте, метро скоро закроется, – засуетилась она, утягивая Стара по улице.

– А, ну ладно, если на метро спешите... – расстроено вздохнул мужчина, выпуская горький спиртовой воздух.

Ни на какое метро они не спешили.

Когда престарелый поэт-забуддыга остался за поворотом, Старый произнёс:

– А я бы с этим Виктором Мирошниковым выпил. Нормальный мужик вроде...

– Ну, это без меня, – отказалась Эль.

Петляя тёмными переулками, они как-то вышли на угол Марасейки. Здесь, уютно, как маяк в сырой морской ночи, в темноте светили большие окна круглосуточной кофейни. У Эль замёрзли и гудели колени, так что она была непротив присесть где-нибудь в тепле.

В кофейне было пусто. Единственный официант-бариста скучал за баром. Эль выбрала столик у окна, чтобы смотреть на Марасейку, и прошла на диванчик. Вопреки её ожи-

даниям, Старый сел не напротив, а на тот же диванчик, что и она.

– Я буду двойной эспрессо, – заказала Эль у официанта.

– Мне то же, – сказал Старый.

Так как посетителей больше не было, маленькие чашечки кофе принесли быстро. Они попивали горький эспрессо маленькими глотками, сидя вплотную друг к другу, так что от тепла соседнего тела делалось жарко, но не разговаривали. Эль смотрела в окно, но видела только своё нечёткое отражение в стекле, за которым – пустынная тёмная улица и редкие глаза фонарей. Она устала, но домой не хотелось. В обществе Старого было хорошо, и хотелось бы, чтобы так продолжалось вечно. Думать о том, что как только наступит утро, они разойдутся и больше никогда не встретятся, не будут писать друг другу даже по праздникам, было грустно. Эль осторожно спросила:

– Можно прилечь на ваше плечо?

Старый разрешил.

Эль склонила голову, слегка навалившись на него. Плечи у Старого были широкие, мощные, но сутулые, оттого и – более округлые. Щека Эль соприкоснулась с грубоватой шерстью пиджака, пропахшей терпким одеколоном. Никто не видит, никто не знает, уж тем более – Кер, что ей так нравится лежать на плече этого парня, которого она видит впервые в жизни. Ей так хочется прикосновений: потому что прикосновения к другим людям соединяют её с бытием. Тепло

человеческого тела – зыбкий мостик между её больным сознанием и действительностью.

Неровное дыхание, тёплое сопение Старого у неё над ухом... Крепкая рука, в которой замер хруст гибких суставов, скользнула по её пояснице. Из-за своего квадратного корпуса Стар выглядел ещё крупнее. По сравнению с ним Элля чувствовала себя маленькой, и это успокаивало её. Ей хотелось, чтобы все молодые люди были крупнее неё, чтобы могли спрятать её, укрыть, защитить. Она просто с детства привыкла видеть в жизни, а потом, правда, только на фотографиях, разницу в росте у почти двухметрового отца и довольно миниатюрной матери, но в итоге, коварная генетика хладнокровно последовала собственным принципам. Так, Элля уродилась крупной, высокой и с длинными пальцами, какие обычно бывают у парней. Когда Старый коснулся её руки, она ужаснулась: их пальцы оказались одинакового размера...

Старый сцепил руки у неё на талии и притянул к себе. Тогда, поддавшись какому-то порыву нежности, Элля неловко поцеловала его в щёку, но промахнулась, и её губы кольнули короткие жёсткие волосы на виске. Старый умильно улыбнулся и по-стариковски добро взглянул на неё синими глазами. Она таких синих – и не видела никогда, наверно.

– Как быстро... – по-кошачьи протарахтел он, и у него внутри рёбер, как у кота, мягко провибрировал резонатор.

И он развернулся, загоразживая Элля плечами, сильнее

обхватил за талию и одной рукой откинул назад с её лица скользкую чёрную прядь. Оцепенение раскинулось мурашками по её телу. Она прикрыла глаза и решила: что бы сейчас ни происходило, она поддастся.

Влажное дыхание согревало её шею. Шероховатые губы Старого касаются её кожи, уверенно устремляются по шее вверх. На них смотрят, смотрят – ну и пусть. Эльь выпускает тихий стон наслаждения – и его перехватывают шершавые, влажные, с кисловатым привкусом кофе, губы Старого. Эльь приникает ближе к нему, отвечая на поцелуй.

Потом они стояли на площади у вестибюля метро и видели женщину с трёхгранным ключом, которая выходила открывать стеклянные двери, стояли на пустой станции и долго ждали первого поезда. Они сошлись на том, что молодость бывает только один раз, чтобы не думать, будто мы могли сделать что-то не то. И когда пустой утренний автобус увозил Эльь от розового рассвета, у неё на душе было легко, как будто она проснулась в солнечный день из сказочного сна. Она увозила с собой тонкое послевкусие этого приключения – привкус кофе, терпкий запах мужского одеколona и знание, что эта ночь уже никогда не повторится.

Вокзал

– Что хуже: феминистка или коммунист? – услышала за спиной Эля и невольно сжалась, опустила голову, скрывшись за волосами.

Студенты выстроились в очередь в тесной лаборантской, и за Элей стояли два её одноклассника. Уже одно их присутствие поблизости заставляло Элю напрягаться и тревожиться, а когда они начинали говорить, тем более, о том, что было ей неприятно, – хотелось вообще провалиться сквозь землю. Она не была достаточно смелой для того, чтобы обернуться и гордо воскликнуть: «Да, это я! И что вы сделаете?» – хотя очень хотелось. Осталось лишь крепко сжать длинное горлышко колбы. Жаль, стекло слишком толстое и не треснет в руке.

На мгновение Эля увидела кровь на своих пальцах и на горлышке колбы – живую, алую. Значит – всё-таки, успела порезаться? Тёплые рубиновые струйки, пульсируя, растекались по рукам, пропитывали белые манжеты халата. Эля вскрикнула – и пальцы разжались. Резкий хруст и звон стекла – это остроугольные осколки рассыпались по полу, стекло заблестело в стыках плиток. Разномастные вытопанные узоры на полу поплыли у Эли перед глазами.

Все затихли. Взгляды присутствовавших в лаборантской устремились на Элю. И основатель кафедры со своего порт-

рета тоже смотрел на неё – разочарованно. А Эля застыла, поднеся руки к лицу. Она поняла, что если порезалась – то почему-то не чувствовала боли; всматривалась в тонкие линии и складки на ладони, словно в первый раз.

Никакой крови.

Её руки были чистые.

Подошёл преподаватель, отделившись от очереди студентов – тоже в белом халате. Это был низкий щуплый мужчина с бледными глазами, а на затылке у него тусклые волосы, как опушку, обступили загорелую плешь. Преподаватель строго осмотрел Элю, опустил глаза на осколки и вздохнул:

– Что ж, собирайте. Веник и ведро – в углу. Вы не порезались?

Эля помотала головой.

– Хорошо. Как закончите – берите новую колбу и возвращайтесь к нам, – произнёс преподаватель, заложив руки за спину.

«Возвращайтесь», – услышала Эля и отозвалась сиплым, только проклюнувшимся голосом:

– Хорошо, – и опустила дрожащие руки.

Преподаватель, одногруппники, аспирантка – выглядели какими-то неестественными. Массивная старинная мебель в лаборантской, остеклённый вытяжной шкаф, в котором светились струйки газа из горелок, бутылки с реактивами, посуда – всё было декорациями, фальшивкой. Эля неловко собирала веником осколки, пропустив вперёд тех двух парней-од-

ногруппников, и не верила, что её рука сжимает древко метёлки. Что она делает здесь?

На полу, чуть закатившись под лабораторный стол, лежала не разбившаяся каплевидная крышка от колбы. Эля подняла её – застывшую стеклянную каплю, полую – и стала с интересом рассматривать, перекатывая в руках. Крышка оказалась лишь слегка треснувшей.

– Пусти, – попросила одnogруппница с такой же круглодонной колбой в руке, какую только что разбила Эля.

У неё в колбе на дне болталась навеска какой-то муки, залитой концентрированной кислотой.

Одnogруппница выглядела пластиково.

Посторонившаяся Эля заметила, что и у неё самой руки как будто пластиковые – а такие же не могут кровоточить.

Значит – глюки.

И то, что она пластиковая, ведь тоже – глюки: она же двигается, дышит, её глаза видят... Её глаза видят одnogруппников в белых халатах, теснящихся между столами, высокие закруглённые окна, за которыми качаются жёлтые прозрачные листья клёнов, дистиллятор над старой эмалированной раковиной, узорчатую плитку... Разбитое стекло.

Эля механически сунула крышку от колбы в карман халата. Такие каплевидные стеклянные крышки, которые неплотно закрывают колбы, нужны, чтобы испарения при озолении распределялись по сосуду равномерно и медленно выходили.

Девочка ставила круглодонную колбу в чугунную подставку над горелкой. При нагревании серная кислота реагировала с органическим материалом и раствор приобретал тёмно-коричневый оттенок – оттенок разложения. Колба оставалась на огне, пока реакция не пройдёт полностью – и тогда раствор должен обесцветиться.

Эля аккуратно сметала осколки, веник словно наглаживал вытертую и затоптанную старинную плитку в кружевных узорах. Стекло вперемежку с сором со звоном упало в мусорную корзину. Эля отправилась в лабораторию за новой колбой. По пути она остановилась в коротком тёмном коридоре и на мгновение ослепила себя включенным экраном телефона – последнее время каждое свободное мгновение она обращалась к нему.

13:48

Я разбила колбу.

Мне кажется, они обсуждали меня

Она печатала двумя большими пальцами, стуча по стеклу кончиками ногтей.

Она безнадёжно превращала диалог в мессенджере в личный дневник – поток сознания; рефлексия, боль, мысли в каждом сообщении. Она не ждала ответа, но когда же ответа долго не было – злилась до того, что под кожей начинал вибрировать, как натянутая струна, каждый нерв.

Был в 13:33

Пустота.

13:50

*У меня галлюцинации. Мне показалось, что я порезалась.
Я видела кровь.*

Беспомощность.

В сети – зажёгся кружочек. Вскоре – погас. Её сообщения отмечены как прочитанные, но ответа – нет.

Скорый осенний вечер затемнил небо, когда закончились занятия. Кое-где в темноте горели живые жёлтые окна, сырые жёлтые листья отражали свет, словно покрытые тонкой прозрачной плёнкой. Две одноклассницы вышли из корпуса, за ними – Эля, перехватив тяжёлую скрипучую дверь. По скользкому сырому асфальту, в темноте превратившемся в оникс, она одиноко побрела на трамвайную остановку. Подошвы тяжёлых ботинок слегка увязали в кашнице из липких опавших листьев и отрывались от земли с характерным чавканьем. Палая листва медленно меняла золотистые оттенки на цвет серной кислоты, озоляющей органику.

В свете фонарей жёлтые листья, в темноте поддерживаемые невидимыми ветками, превращались в трепещущую золотую фольгу.

Вдалеке тепло светили прозрачные теплицы. Такой же тёплый, прозрачный свет бултыхался в большом трамвае, неуклюже изгибающемся на повороте. Трамвай тяжело громыхал по рельсам – узким излучинам жидкого серебра – и оглашал улицу звоном в попытках проехать по узкой улице.

Эля прошла мимо корпуса, перед входом в который кучками курили и переговаривались студенты, свернула на улицу за трамваем. За опадающими дубами уютно светились окна профессорского дома. В сторону трамвайной остановки шли студенты и студентки, в основном, парами, компаниями, отчего Эля ощущала себя совершенно одиноко. Ей было необходимо отгородиться от внешнего мира музыкой, поэтому она отошла с дороги, остановилась и полезла в сумку за наушниками и телефоном.

Пусто – заполнить пустоту.

Сама пустая – и жизнь пустая.

Холодным кончиком пальца Эля включила телефон с боковой кнопки. Когда осветился дисплей, у неё похолодело под рёбрами, как случилось всегда, когда она видела в уведомлениях о сообщении это имя – Пётр Старицкий.

17:48

Плохо

я заканчиваю

Белый трамвай проплыл мимо. Эля бросилась за ним, на самом деле пытаясь убежать от своих страхов и навязчивых мыслей – или чтобы ветер выдул их из головы. От бега стало жарко, и когда она запрыгнула в трамвай, под пальто на спине стало липко от пота.

Она уселась на свободное место, последнее в салоне, и не глядя зашла в диалог. Она написала Петру:

17:51

Давайте встретимся

Трамвай тронулся. Эля взглянула в окно и встретила взглядом со своим полупрозрачным отражением. Деревянный профессорский домик медленно уплывал назад. В его окнах тепло горел свет, а за двускатной крышей, за его спиной, высилась тёмная стена леса.

Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом...

Пётр достаточно быстро ответил. Они договорились встретиться в районе вокзала, точнее – в переполненном привокзальном ресторане фастфуда. Стар ещё уточнил, что взять Эле: может, она проголодалась. Эля отказалась от чего бы то ни было. Она очень хотела есть, ощущала стонущую пустоту в животе, а ещё – у неё не было денег. Быть должной она тоже не хотела.

Стар дождался её за столиком на двоих в углу, у туалета – других свободных мест не было. В ресторане было тепло, ярко и шумно, в особенности, шумно – от звуков с кухни. Пахло картошкой во фритюре – и у Эли от этого сильнее сводило живот.

Стар убрал со второго сиденья свои портфель и шарф и предложил Эльзу присесть. Перед ним на подносе стояли коробки с какой-то едой и два бумажных стакана.

– Я взял вам чай, – сказал он, – и картошку. Ну, и если хотите – угощайтесь, – и обвёл рукой свои коробки.

Эльза несмело взяла тёплый стакан.

– Спасибо. Я просила... не тратьтесь на меня.

– Ну как же? – проворковал Стар. – Вы же наверняка голоднёнькая, после учёбы-то. Я буду есть, а вы – смотреть? Я, вот, очень голодный.

– Спасибо, – вполголоса повторила Ээль опустила глаза.

Она правда была голодна, а вид и запах фастфуда только раззадоривал аппетит.

– Во сколько у вас электричка? – спросил Стар.

Ээль задумалась. Снаружи доносились голоса репродукторов, объявляющих отправление и прибытие, а за спиной Стара, из панорамного вокзального окна открывался вид на освещённые перроны под выпуклыми голубыми навесами из поликарбоната. Между перронами тянулись электрички, ожидавшие пассажиров.

– Вроде – в восемнадцать-двадцать, – припомнила Ээль.

– А у вас?

Одной рукой обмакивая длинную картошку в кетчуп, Стар усмехнулся. У Ээль всё внутри сжалось и похолодело от стыда.

– А я – в общеаге, – напомнил Стар. – И общеага закрывается в одиннадцать.

– А-а, – протянула Ээль, запрокинув в кивке голову.

Внутренне, как и всегда, она бичевала себя за то, что была так невнимательна к людям. Старый неоднократно упоминал в диалогах, что приехал учиться из другого города, а в Москве живёт в общежитии при вузе.

Не снимая со стаканчика почти раскалённой тонкой пластиковой крышки, Эльль отпила чай, горячий, приятно обжигающий. Она очень любила чай за то, что он возвращал её в чувства. А ещё, на самом деле, иногда Эле казалось, что самая настоящая Москва – здесь, на вокзалах, потому что нет никакой Москвы: ведь разве может быть город, в котором никто не *живёт*? В Москву все приезжают – на поездах, на электричках. И она сама – существует в пустынных станциях, говорящих одним и тем же голосом о прибытии, отправлении, опоздании... Да и она сама, которая вечно опаздывает, как утренняя электричка – кто-то в одном из чатов написал о ней: «Эля – Элька – элка – электричка».

А – Стар? Что бы написали про него эти люди?

Эльль подняла на него взгляд. Она ничего не знает об этом человеке с такими большими синими глазами (цвета прибоя), даже не знает, реален ли он, реальнее тех людей в книге, которую она читает в электричках, в метро, в постели? – но как и те люди, Стар кажется ей самым живым. Он как бы отделился от всего фальшивого мира и явился ей настоящим. Только вот парадокс: она ничего не знает о нём, иногда кажется, и его имени – не знает. Своего имени тоже не знает, имярек...

Грея пальцы с короткими обгрызенными ногтями о стакан с чаем, Эльль спросила:

– Как у вас прошёл день?

Стар с удовольствием начал рассказывать о своих делах: о

том, как защитил лабораторную работу у чудного преподавателя, как с одноклассником произошло что-то смешное – но это Эльль не было интересно. Она особо не вникала в его слова и пила свой чай. Это не то, что хотела слышать Эльль, это слишком поверхностно и обычно для такого человека, как Стар.

А потом он замолчал, достал свой телефон (его руки приковывали взгляд Эльль) и со вмиг посерьёзневшим и даже, как показалось Эльль, сосредоточенным лицом начал что-то печатать. Затем, отложив телефон, Стар отрешённо вздохнул – и тут Эльль подняла на него глаза. В этот момент, когда по его лицу пробежала тень напряжения, этот человек сбросил с себя напускную оболочку нормальности и обнажился настоящим. Но что так встревожило его?

– Что случилось? – участливо спросила Эльль, подаваясь вперёд через стол.

Стар вмиг натянул маску спокойствия.

– Ничего. А что?

– Вы что-то так встревожено писали... – потерялась Эльль.

– Разве? Просто надо было ответить приятелю.

– Ладно...

Потом они замолчали.

Из вокзала они вышли на сырую площадь у касс. Пахло дождём, шаурмой из палаток, стёртой резиной и крезотом. Прежде чем пойти к платформам, Эльль спросила у Стара, державшего над ними двумя большой чёрный зонт:

– А что вам сегодня снилось?

Стар задумался, подтянув нижнюю губу кверху, лоб напрыгся морщинами (такой молодой – а уже морщины).

– Честно, – прогрохотал его голос, – не помню. Последнее время я плохо запоминаю свои сны.

– Понимаю, – вздохнула Эльль. – Я тоже. Это потому, что вы, наверное, не высыпаетесь. А я бы так хотела узнать, что вам снится – чтобы лучше вас понимать. Ведь во сне выходит наружу наше подсознание, потаённые мысли обволакивают нас, когда мы особенно уязвимы – когда сознание не в силах сопротивляться...

– Да, – согласился Стар. – Снами мы познаём сами себя, – и затем его ровно очерченные природным контуром сухие, обветрившиеся губы, несмотря на натяжение высохших кожных чешуек, растянулись в улыбке. – Кажется, мне сегодня снились вы.

Отгороженная волосами, Эльль тоже улыбнулась – довольно. Затем она развернулась на каблуках, потянулась и на прощание обвила шею Стара руками. Тот хотел было поцеловать её, но поскольку Эльль отстранилась, получилось лишь неловко коснуться губами краешка её губ.

Эльль зашагала к павильонам турникетов.

– А зонт-то у вас есть?! – крикнул ей вдогонку Стар.

– Нету! – отозвалась Эльль и тут же нырнула под полукруглый навес павильона.

Стар постоял ещё, посмотрел, как она пройдёт турникеты,

а затем вынул телефон. Бледное сияние от дисплея осветило его грустно-задумчивое лицо.

Буквы

Вдавленная сидевшим рядом чужим пассажиром в стенку вагона, Эля склонилась над раскрытой книгой. От тусклого освещения буквы на страницах выглядели бледно, но это не смущало её. Эти буквы были её успокоением и медитацией, и то, что возникало перед её мысленным взором, как и те чувства, рождённые в ней буквы (печатные буквы-значки, серенькие словечки) – всё переживалось куда более ярко, чем все события сегодняшнего дня. Все, кроме одного... Большие синие глаза Стара смотрели на неё сквозь страницы – и когда они, внимательные, задумчивые, возникали перед ней, Эля не могла сосредоточиться ни на чём более: образы книжных героев тут же разбивались (лопались как мыльные пузыри) и буквы превращались в просто серые значки на бумаге. Вот – она зацепилась взглядом за одно слово из текста, а его обронил сегодня Стар – и вновь невыносимые синие глаза смотрят на неё между строк.

Невозможно так читать!

Эля заложила пальцем разворот (книга сложила крылья в её руках) и обернулась к окну – тёмному зеркалу, отражавшему холодные бледные лица. Отражённые люди – те, что сидели в вагоне, облитом тёплым, но тусклым светом, не обращали внимания на своих холодных допельгангеров, а Эля смотрела пристально. Темнота, в сравнении со светом, ка-

завшаяся ещё темнее, поглощала мир, бывший за окном вагона и обнажала людские лица, позволяя людям взглядеться в себя, но...

Эля достала телефон и попыталась запечатлеть своё отражение – задокументировать мгновение.

18:35

tionelatanala

[фото отражения, прозрачного в чёрном окне, подписанное следующими словами:]

Что, если истинная сущность вещей проявляется, например, в отражениях в тёмном стекле, в тенях на стене?

Ещё Эля написала Петру Старицкому:

18:35

Спасибо за встречу

Замерла...

Пальцы онемели, а прикосновения к клавиатуре словно обожгли их. Стар, этот человек с синими глазами, пугает её, когда далеко. Этот плоский диалог со всплывающими на розовом фоне сообщениями, до которого низводится вся личность Стара в моменты его физического отсутствия – тревожная, но в то же время, манящая чёрная дыра, привлекательная своей смертоносностью, отчего так страшно, но прекрасно балансировать на её горизонте событий. И кажется, это не Стар отвечает ей – разве может тот, настоящий Стар, со всеми его рубленными движениями, горьким запахом одеколона, со всем его мягким голосом, уместиться в

одном всплывающем облачке?..

Пётр Старицкий

18:36

Это вам спасибо, что позвали

Эля попыталась вернуться к чтению, но снова отвлеклась. сидевшая рядом грузная женщина заговорила по телефону:

– Он и сегодня в школу не пошёл! – жаловалась она кому-то на том конце провода-странное-выражение-в-век-мобильных-телефонов-архаизм, но так громко, будто жаловалась всему вагону. – Учительница звонила, говорит – он просто не пришёл на уроки, спрашивала, почему, не болеем ли? Знаешь, я уже не могу! Ну не знаю я, как заставить его в школу ходить! Он за месяц пару раз в школе появился. Я же его не контролирую. Не могу уже больше...

Эля уставилась в буквы на страницах, но на фоне надсадного голоса женщины они никак не осмыслялись. Вообще, в этот самый момент она ощутила, что так уже было (или будет): бусины слов отказываются нанизываться на нить, потому что в электричке озвученные слова (до безобразия пустые) оскверняют таинство чтения.

Странное ощущение – не привычная уже дереализация, но сродни ей. Это место, звуки, буквы-мушки, бегающие перед глазами от невозможности сосредоточиться – словно какой-то знак, константа в ежесекундно убегающем мире.

Так уже было.

Так уже есть.

Так ещё будет.

Это дежа-вю – это точка пересечения времён, когда в одном моменте сливаются прошлое, настоящее и будущее; это мгновение слияния двух реальностей, физического и метафизического, сна и реальности, Яви и Нави. Сознание словно находится сразу в нескольких временных точках, где одновременно происходит одно и то же. На перекрёстке пространства-времени.

Вечерняя электричка. Вагон, полный пассажиров. Темнота за окном. Чей-то чужой разговор по телефону. Книга на коленях.

– Месяц в школе не появлялся, нет, понимаешь? – продолжала в этой реальности грузная женщина. – Вот я ему говорила, да, что он никому не нужен будет, такой прогульщик...

Эля повернулась и посмотрела на бледное отражение этой женщины в окно. У отражения – синяки под глазами были темнее. В них таились все бессонные ночи.

Эля вздохнула.

Темноту за окном нарушил серый свет пустынной станции – и тут же погас. Проехали.

– Месяц в школе не появлялся! – отдавался эхом голос женщины. – Не появлялся... не появлялся... не появлялся...

«Я тоже подолгу могла не появляться в школе, – мысленно сказала Эля, как бы обращаясь к этой женщине, – особенно – в старших классах. А теперь я могу подолгу не появляться

на парак. Потому что мне там не нравится».

Телефон в руках Эли завибрировал. Дрожь пронеслась по телу. Вспыхнул дисплей. Трясущимся пальцем Эля прикоснулась к иконке извещения о сообщении, боясь, но в то же время, надеясь увидеть имя Петра Старицкого. Разочарование: под датой имя – Таисия Капитурова. Это школьная подруга, с которой Эля почему-то до сих пор общалась, хотя их ничего не связывало...

Тая предлагала встретиться, как только Эля приедет в город.

Эля согласилась.

18:45

давай

Тая ждала на станционной площади, освещённой неоновыми вывесками кофеен и табачных ларьков. Эля надеялась не увидеть её, но Тая, высокая, в красном пальто, выглядела слишком заметно. С другой стороны, рассудила Эля, присутствие Таи, несмотря на их отношения, оттягивает то время, когда она будет дома.

– Привет, – раздался голос, мягкий, но уверенный и достаточно громкий.

Свет фонаря позолотил лицо – с узким закругляющимся лбом, незаметными прозрачными бровями и невыразительными скулами. Черты лица Таи были довольно гармоничны и даже симпатичные, однако – заурядны и блеклы. Подруга почему-то всегда невольно вызывала у Эли такую банальную

ассоциацию – как моль, серая, с пыльными крыльями. Глаза у Таи были серые и волосы – льняные, длинные.

– Сколько у тебя времени? – спросила Тая, заправляя серую прядь за ухо.

– Сколько угодно, – как обычно отозвалась Эля. – Куда пойдём?

Тая пожала плечами.

– У меня есть полчаса, – предупредила она. – Надо делать историю.

Эля покачала головой. Её тёмные волосы, когда-то подстриженные под каре, но не уложенные, опали на лицо.

Они пошли во дворы.

Тая спрашивала:

– Как у тебя прошёл день?

Эля шла, запустив руки в и без того растянутые карманы пальто, сутулясь и глядя под ноги. В плечо врезался ремень тяжёлой сумки. Пальто и свитер под ним смягчали это давление. В обволакивающе-влажном воздухе пахло осенью – сырой листвой. Лицо покалывала редкая холодная морось, поэтому Эля пряталась за волосами. Изморось пропитывала волосы, пальто, акриловую шаль.

– Ты знаешь, что для определения влажности в метеорологии используются женские волосы, – внезапно, словно проигнорировав вопрос, начала Эля, – причём – обязательно прямые и светлые, потому что у них лучшая гигроскопичность?

– Что такое гигроскопичность?

– Способность материала впитывать и удерживать влагу.

Почва тоже обладает гигроскопичностью. Она удерживает эту влагу под действием капиллярных сил.

Они шли по пустынной асфальтированной дорожке через двор школы, в которой ещё недавно учились вместе. На углу здания тепло светились высокие окна физкультурного зала, изнутри завешанные сетками.

– Ты говоришь, что тебе не нравится учиться, но так любишь делиться своими знаниями, – заметила Тая. – А ещё зачем-то закрываешь лицо, хотя ты такая красивая... Но неуверенная.

Эля лишь бросила на неё раздражённый взгляд, но ничего не сказала.

Тая умела время от времени попадать в больное место, когда говорила, не думая. Эля пыталась сдержаться, но далеко не всегда получалось, когда она напрягалась и занимала оборонительную позицию после слов... подруги. Вообще, она сомневалась насчёт того, может ли назвать Таю, равно как и кого бы то ни было, подругой, другом...

– Почему мы с тобой дружим? – спустя какое-то время спросила Тая задумчиво, после того, как они молча шли, размеренно шурша опавшими листьями, после того, как в темноте пронеслись несколько поездов, посылая протяжные гудки в темноту.

Эля вздохнула – или это сухой лист, подгоняемый ветром,

проскрёб по асфальту (ей ещё вспомнились строки:

...Метался, стучался во все ворота,

Кругом озирался, смерчком с мостовой...)

– Я не знаю, – призналась она: набрала в грудь воздуха, закрыла глаза – и выпустила слова на свободу.

Тая и прежде задавала этот вопрос, но тогда Эле казалось, что больше – себе, и Эля игнорировала, увиливала от ответа, отшучивалась. Теперь – призналась, в том числе, и самой себе.

– Может быть, потому что мы обе были одиноки в школе и нам было не с кем общаться? – предположила Эля. – Тогда почему мы с тобой общаемся до сих пор?

Тая расстроилась. Жёлтый электрический фонарь осветил её лицо: поджатые тонкие губы, рыжеватые брови изогнулись, подтянувшись вверх. Эля взглянула – и ей стало жалко Таю.

В обволакивающе-влажной осенней темноте светились окна приземистых старых домишек. Жёлтые квадраты с уютными занавесками – а за ними можно было увидеть чьи-то чужие кухни или комнаты, манящие своим теплом и обжитостью. В одном из таких домов жила и Эля, но в отличие от других, собственное жилище не казалось ей таким же приятательным. Чужие окна снаружи казались тёплыми, а своё жильё она знала изнутри. Она не хотела туда возвращается.

Накрапывал дождь. Ледяная изморось тонкими иголками жалила лицо и грудь.

– У меня есть зонт, – сказала Тая.

Эля снова посмотрела на неё. С облегчением: хорошо, что у неё есть зонт – это позволит побыть с ней вдвоём, а не дома, чуть больше времени.

Купол зонта, обтянутый прозрачной плёнкой, хлопнул и раскрылся над их головами. Вдвоём под одним зонтом стало уютнее. «Я точно запомню этот момент», – пронеслось в голове у Эли.

– Я сегодня встретила со Старицким, – поделилась она. – Помнишь, я рассказывала?

– Да? И что вы делали?

– Ничего особенного. Посидели поели на вокзале. Поговорили. Знаешь, с ним так интересно – как будто всю жизнь друг друга знаем...

Тая обернула к ней лицо и смотрела с интересом.

– Это тот, с поэтического вечера?

– Тот, – кивнула Эля.

– А он красивый?

Эля неуверенно и даже как-то виновато передёрнула плечами. Вот здесь они ещё расходились: Эля была убеждена, что внешняя красота в человеке – далеко не самое главное качество, а для Таи наружность имела большое значение. Зачастую Тая позволяла себе комментировать внешность парней, с которыми общалась Эля, и обычно – *нелицеприятно*. В этот раз Эля уже заранее напряглась от мысли, что Тая может узнать, как выглядит Старицкий...

Эля сказала:

– Мне хорошо с ним. Это же не зависит от того, как он выглядит.

Тая вздохнула:

– Эль, ты красивая девушка и заслуживаешь такого же красивого парня. Вот, правда, у нас в стране красивых мужчин осталось мало из-за войны...

– Во-первых, я не «Эль»! – внезапно вспыхнула Эля. – Во-вторых, кто сказал такую глупость? Ещё ходил, наверное, потом довольный такой, думал, что охуеть какую умную вещь сказал! А в конце концов, Тая, какая тебе разница, как выглядит человек, который нравится мне?

Тая понурилась и весь вид её сделался каким-то жалобным и даже жалким. Она двумя руками вцепилась в ручку зонта, сгорбилась.

– Ты же моя подруга, – произнесла она, несмело заглушая шуршание дождливого вечера. – Я просто желаю тебе всего самого лучшего.

– Лучшего – по твоему мнению? – с металлом в голосе проговорила Эля, желая причинить своим тоном, своими словами как можно больше боли. – Тебе с ним не детей крестить! Если ты называешь меня своей подругой, то и будь моей подругой: будь со мной на равных, займи мою сторону, хоть когда-нибудь! Мне хватает бабки, мне хватает матери – того, что они за меня решают! Я сыта этим по горло!

В шелесте дождя, пропахшем жухлой листвой, слышал-

ся тихий всхлип. Узкая Таина ладонь скользнула по щеке – и её лицо исказилось. Она стала выглядеть более жалкой. Эля поджала губы и молча отвернулась. Она всё ещё стояла под тем же зонтом, запустив обе руки в карманы пальто. Дрожащей рукой Тая судорожно удерживала зонт, его купол покачивался. Холодные капли отскакивали от него и скатывались. Дождь усиливался.

Элино пальто и ажурная акриловая шаль впитывали влагу и становились тяжелее, казалось, уже не грели, а наоборот – были холодные...

А у Таи лицо было мокрое.

– Почему ты так ко мне относишься? – дрожащим голосом спрашивала она. – Мне неприятно! Я не позволю так относиться к себе!

Эля шумно вздохнула.

– Да потому что с тобой невозможно нормально разговаривать! – огрызнулась она и, всё так же держа руки в карманах, выскользнула из-под зонта и ушла в дождь.

У Эли на телефоне было несколько пропущенных...

– И где опять шлялась?! – встретила её недовольная Лидия Васильевна, нахохленная, кутаясь в голубой байковый халат.

Тощие руки в сети морщин и пигментных пятнах, узкие морщинистые губы, смыкающиеся во линию, бледные глаза и тонкие, крашенные в свекольно-бордовый, волосы, собранные сзади в низкий хвост – Лидия Васильевна, строгая

преподавательница танцев на пенсии. Для своих семидесяти двух она была достаточно бодра, но характер, в том числе, и в силу возраста, имела весьма скверный.

– Ба, я устала... – вздохнула Эля, скидывая с плеча холодное пальто. – Не начинай, пожалуйста, а...

– А я вся извелась, – продолжала Лидия Васильевна железным голосом. – Ты почему трубку не берёшь, когда тебе звонят?

– Я не слышала...

– А зачем тебе мать телефон покупала? Чтобы ты свои тупые видики смотрела или сидела тыкала что-то вместо того, чтобы делом заниматься? Я всё матери скажу!

– Ба, – вздохнула Эля, – мне девятнадцать, если что...

– И что? Ума-то так и не нажила, зато хамить научилась.

Эля повесила пальто на плечики в шкаф, сделала шаг в коридор и посмотрела в глаза преградившей ей путь бабушке (странно, что в русском языке это слово употребляется, в основном, в такой ласковой форме, но в то же время, в современной литературе есть такая книга как «Похороните меня за плинтусом»).

– А то, что меня тем, что пожалуешься маме, ты не напугаешь, – нарочито смело, с вызовом заявила Эля.

Она пошла мыть руки, дыша запахами дома и скудного ужина. За шумом воды она не расслышала, как бабушка назвала её «потаскушкой», а из своей комнаты вышел дед и спросил:

– Элочка пришла?

– Опять шлялась где-то твоя Элочка, – фыркнула Лидия Васильевна, медленно направившись на кухню. – Вырастила двух хабалок – ещё и третья на мою голову... Ничего ей не интересно, учиться не хочет – только шляется где-то. Что за наказание мне такое, господи? Когда же это кончится-то? Хоть на старости лет уж спокойно дожить...

– Лида! – возмутился дед, пытаясь догнать её по коридору и сильно припечатывая трость к полу. – Что ты такое говоришь-то? У нас замечательные девчонки!

Лидия Васильевна закинула на плечо полотенце и, не обращившись, обратила свой гнев на него:

– Может, они и были бы замечательными, Лёня, если бы ты тоже занимался ими. А то всё – Лида: и в школу собери, и отведи, и накорми, и уроки проверь... Ты хоть один раз уроки у них проверил? на собрание сходил? А я помню всех их учителей поимённо. А я тоже работала, Лёнь!

– Лида, ну давай не будем...

– Что – Лида?! – взвилась Лидия Васильевна. – Что – Лида?! Не смей мне ничего говорить! Если бы не я, ты бы помер давно!.. Жрать садитесь... И эту зови.

Эля незаметно спряталась в своей комнате. Одной рукой глядя мурлыкавшего кота, другой она держала телефон. Лицо её было сосредоточенно. Час назад ей написал Пётр Сатрицкий. С тех пор он не появлялся в сети.

Вы дома?

После короткого ответа «да» Эля двумя большими пальцами принялась строчить ему длинное сообщение:

Я очень рада, что встретила с вами сегодня. С вами мне действительно хорошо, как ни с кем больше. После того, как я приехала в Щёлково, я встретила с подругой. Честно, даже не знаю, могу ли её так назвать. Дело в том, что здесь мне больше не с кем общаться, но с ней мы не можем и сказать друг другу пару слов – как тут же начинаем спорить и ссориться. Сегодня мы тоже поссорились, из-за какого-то пустяка. Мне даже её немного жалко...

Ещё я опять поссорилась с бабушкой. Я не говорила этого, но на самом деле я всю жизнь прожила с бабушкой и дедушкой. Так вышло. У бабушки очень тяжёлый характер, она постоянно что-то от меня требует. Она хочет контролировать каждый мой шаг. Я уже не могу тут жить.

Поэтому я очень ценю, когда в моей жизни появляются люди, с кем я чувствую себя комфортно – например, с вами. И я очень боюсь терять вас. Я очень боюсь одиночества.

Приоткрылась дверь. Стукнув о порог палочкой, вошёл Леонид Сергеевич. Кот ощерился под рукой у Эли, а Эля бросила недовольный взгляд на деда, прервавшего её мысли.

– Элечка, иди кушать.

– Я не хочу, – отозвалась Эля.

Леонид Сергеевич заметно расстроился.

– Не хочешь? А бабушка готовила, старалась. Мы тебя

ждали.

– Я не хочу, – повторила Эля, – спасибо. Я поела по дороге.

Дед вышел, расстроено шаркая по полу. Эля вернулась к телефону. Вверху на дисплее повисло сообщение от Таи Капитуровой.

19:55

Эль, ты дома?

Эля смахнула его. Затем большим пальцем она коснулась кнопки «бэкспейс» – и пустота начала вытеснять белые буквы.

За стеной послышался голос бабушки:

– Вот паразитка! – и зазвенел бьющийся фарфор.

Кот в Эленой комнате резко поднял голову и наострил уши.

В квартире на Соколе

Густые, длинные волосы Марго окрашенные в бордовый, отросли на корнях, а в них затесался лёгкий аромат, кажется, яблока. Стар зарылся в них носом и прижал Марго крепче к себе. Снова. Она снова плачет, а ему хочется защитить её, такую хрупкую, от всего враждебного мира.

Он должен был прийти раньше.

Он должен был прийти раньше, но задержался на вокзале.

Когда Стар примчался в квартиру на Соколе, когда он разыскал среди типовых многоэтажек нужную, Марго предстала ему, сидящей на полу с ножом в руке – тоненькая, в зелёной майке и в крови. Её руки не было видно в алом.

Стар бросился к ней, опустился на колени и вцепился в руку, державшую нож, начал по одному разжимать упрямые пальцы. Марго запрокинула мокрое лицо и надрывно, иступлённо завопила.

– Ну, ну, – ласково прошептал Стар, осторожно беря за подбородок и заглядывая в синие глаза Марго. – Вы опять это сделали?..

Она ослабила руку и позволила ему отнять нож, а затем уткнулась лицом в плечо. Стар откинул нож на пол сзади себя (рукоять стукнулась о паркет), провёл рукой по растрёпанном бордовым волосам и прижался к ним щекой. Марго всхлипывала, а под майкой подрагивали её тонкие лопатки.

А Стар отстранился, бережно взял её за предплечье и осмотрел порезы.

– Только не звоните в «скорую», – тихо попросила Марго.

– Хорошо, – кивнул Стар, поднялся на ноги и подобрал окровавленный нож. – Только это я заберу с собой. Где у вас тут аптечка?

– Вы знаете, – проговорила Марго так же тихо, – на кухне.

Стар сходил на кухню и вернулся с бинтом и парой пузырьков антисептика. Он снова опустился на колени рядом с чуть успокоившейся Марго и, как умел, начал перебинтовывать её раны.

– Ай, – вырвалось у Марго в один момент и она скривила лицо. – Сссс...

Стар замер и заглянул в глаза (глаза у них были очень похожи).

– Больно?

Марго мотнула головой.

– Извините. Я стараюсь аккуратно, – сказал Стар и заметил: – Маечку запачкали. Что случилось?

Голос его звучал мягко, участливо. А ещё у него очень дрожали руки. Он обматывал и обматывал грубый бинт вокруг предплечья Марго, но на белом неумолимо проступали и росли багровые пятна. Стар смотрел на них и думал, что может, лучше не слушать Марго, а вызвать ей «скорую»?

– Мне кажется, я совсем чужая здесь, – лепетала Марго, больно глядя ему в глаза, – не только в этом городе, а в этом

мире, Петь.

– Мы сами делаем своё место, – отвечал Стар, оборачивая бинт в очередной раз. – У вас всё будет хорошо. Где Денис?

– Я не знаю. Он ушёл.

– Опять поссорились?

– Да. Петь, мне очень тяжело здесь. Мне кажется, я очень слабая.

– Вы сильная.

– Мне кажется, я вообще неживая, знаешь? Как будто бы я не здесь, а это какое-то чужое тело. Я делаю это, чтобы что-то ощутить. На самом деле, мне кажется, что вглубине я ничего не чувствую.

Стар обнял её, потому что не нашёл, что сказать. Многие вещи из тех, что говорила Марго, ставили его в тупик и, тем самым, вынуждали чувствовать себя виноватым. Стар очень хотел *помогать*, помогать Марго, но постоянно чувствовал себя бессильным. Он хотел спасти её от избиений отца, от травли одноклассников, от унижений парней, но никак, совсем никак не мог.

До конца девятого Марго и Пётр учились в одном классе и много лет оставались неизменными соседями по парте. Несмотря на частые конфликты, на то, что Марго встречалась с мальчиками из параллели или старших классов, Пётр знал о ней больше всех. А потом, после экзаменов в девятом классе, родители увезли Марго в Москву. Но они оставались на связи.

Летом Марго приезжала, они гуляли. Она рассказывала о новой школе, новых друзьях, новых парнях и о том, как готовится поступать в МГУ, а Пётр рассказывал только о том, как готовится поступать в Бауманский. Потом они оба, но в разных городах, окончили школу с золотой медалью, успешно сдали экзамены и оба поступили, куда хотели: Марго – на факультет биофизики и биоинформатики, а Пётр – на факультет проектирования и эксплуатации ракетных двигателей.

Марго успокоилась, и лицо её смягчилось. Только остались – бинт и потемневшие пятна на майке.

– Вы будете чай? – спросила она.

– Да. Сидите. Я сам делаю.

Марго села на кровать. На тумбочке остался телефон Стара. Ей стало интересно, и она его включила. Она знала пароль и смогла зайти, открыла мессенджер – и лицо её сделалось сосредоточенным. На глаза попало сообщение от неизвестного контакта: «Да», – в ответ на «Вы дома?» от Стара.

Марго выключила его телефон, отложила и вздохнула.

Потом, за чаем на кухне она поинтересовалась у Стара:

– Чем занимались сегодня?

Стар смотрел на то, с каким усилием она поднимает чашку, и боялся, что Марго ошпарится.

– Наверное, я много налил, – задумчиво проговорил он, а потом встрепенулся. – А? Я? Ну, учился. А потом встретился

с подругой. Извини, поэтому не сразу приехал.

– А что за подруга?

– Ну, – смутился Стар, – я тебе рассказывал. Мы познакомились с ней на поэтических чтениях. Мне понравились её стихи, да и сама она тоже хорошенькая.

У Марго загорелись глаза.

– А у тебя есть её фото?!

– Есть у неё на странице, – уклончиво ответил Стар.

– Ладно, потом покажешь! Наконец-то ты пригласил кого-то на свидание!

– Это было не свидание, – отрезал Стар, а синие глаза его потемнели, как туча. – И это не я её пригласил.

Марго вздохнула, но затем усмехнулась.

– Ну вот... А может – это твоя судьба?

– Я не верю в судьбу.

Стар посмотрел на Марго. Издевается?

– Она хорошенькая, но и вы – хорошенькая, – продолжил Стар. – Зачем всё обязательно сводить, вот, к этому? Разве парень и девушка не могут просто дружить? С вами же мы дружим. К тому же, вы знаете, что мне не нравится это понятие – эти ваши «отношеньки», для меня оно какое-то фальшивое. Я просто хочу искреннего общения с людьми, без всех этих формальностей, но основанных на чистом альтруизме и возможности оставить после себя что-то хорошее. В конце концов, разве я смогу как-то по-особенному кого-то полюбить?

Марго смотрела на него, не пытаясь скрыть нежной улыбки. Порой, когда Стар говорил, она чувствовала, что вся её жизнь, на самом деле, такая пустая, все её отношения какие-то не такие, от скуки, а настоящие – здесь, когда Стар говорит с ней. И она была счастлива, что он говорит с ней.

– Я счастлива, что у меня есть такой друг, – сказала Марго, склонив голову набок. Осознание пустоты в своей жизни не было таким болезненным, как ещё некоторое время назад, когда она сидела одна на полу в спальне, её озаряло присутствие Стара. И его присутствие, его слова и светлые принципы осмыслили, подсвечивая остальную пустоту, её жизнь. – Ты говоришь интересные и правильные вещи, которые, наверно, никто больше мне и не говорил... И хорошо, что мы с тобой можем оставаться друзьями.

Стар глотнул остывающий чай и посмотрел на Марго – красивую, со светлой кожей, контрастных на фоне бордовых волос, с большими, синими глазами, видевшими столько боли, и подумал, что тоже очень счастлив делать эту прекрасную девушку хотя бы немного счастливее. И тут же он отвёл взгляд: перед его мысленным взором возник образ другой – тоже красивой и тоже, вероятно, видевшей много боли девушки; той, которая пыталась казаться то больше, как напуганная ощерившаяся кошка, то меньше, чтобы совсем стереться. Имя у неё тоже, как имя Мар-га-ри-та, красивое, но – другое...

Он включил телефон и увидел сообщение в ответ на своё

«да», – и набрал: «Хорошо».

Эля...

– Чёрт! – напрягся он, заметив время в верхнем углу. – Я опаздываю в общагу!

– Тебе долго ехать? – спросила Марго. – Если хочешь, можешь остаться у меня.

* * * *

– Я не знаю, где он, но думаю, завтра вернётся, – вздохнула Марго. – Так уже бывало.

– Опять оставляет вас одну... – с горечью проговорил Стар, касаясь кончиками пальцев бинта, обмотанного вокруг её руки.

В квартире на Соколе была одна комната – и Марго и Стар прямо в одежде, как были, лежали на покрывале двуспальной кровати. Стар исподволь смотрел на Марго, лицо которой, как лёгкой вуалью, закрывали волосы.

– Он хороший. Только очень ревнивый. Спасибо, что зашли и остались...

– Хорошо, что теперь я могу быть ближе к вам.

Марго улыбнулась. Она лежала на животе, повернув голову к Стару. Их освещал жёлтый свет люстры, делал лица более контрастными, а за окном, в биотите* ночи, зияли прорехи чужих окон.

Зрачки Марго под полуприкрытыми веками описали полукруглость. Лениво, как будто бы сонно, она протянула:

– Да-а. Когда я знаю, что мы с вами в одном городе, то не

чувствую себя такой чужой...

– Понимаю... Засыпаете?

– Не-а, – медленно помотала головой Марго, насколько позволяла её поза.

Тонкие волосы наэлектризовались от синтетического покрывала.

Стар лежал на спине, закинув руки за голову, и взор его был обращён ко квадрату потолка, расчерченному дисками отсветов люстры.

– Помните, в какой школе мы учились? – обратился он к Марго. – Какой там подобрался контингент?

– Ага, – тоненько отозвалась она.

– Я тоже чувствовал себя там чужим. Я не знаю, что делал бы без вас, так что, наверное, сейчас получается, что могу отплатить тем же.

Затем Стар отвернулся к окну и шумно зевнул. Снова повернувшись к Марго, он продолжил – изменившимся тоном:

– Поэтому хочу, чтобы здесь или где-либо ещё, вы чувствовали себя хорошо. И я буду делать для этого всё, что в моих силах. Вы очень хорошая и не заслуживаете всего этого...

– Чего?

– Ну, – замялся Стар на мгновение, – например, того, как к вам относились... Как я к вам относился – тоже.

– Это было в школе, и мы были детьми.

– Справедливо.

– И тогда я тоже к вам не бог весть как относилась. Мне до сих пор стыдно.

По губам Стара проскользнула улыбка. Он закинул ногу на ногу и пошевелил пальцами в носке.

– Ну что вы? Сами же говорите, мы были детьми!

– Денис ревнует меня к тебе, – вдруг сказала Марго. – Наверное, он просто не понимает...

– Вы поэтому поссорились?

– Ну, да...

– Плохо. Вы не заслуживаете этого.

– А у вас завтра есть пары?

– Да.

– У меня тоже. А сколько?

– Две или три.

– У меня три, но нам ко второй. Вам же будет удобно отсюда доехать? Не опоздаете?

– А сколько сейчас времени? Предлагаете уйти? Просто общага закрывается через пятнадцать минут, я уже не доеду.

– Нет, оставайтесь! Я просто спросила.

– У-у, ну ладно, – как-то снисходительно промурлыкал Стар, прикрывая глаза. По коже под глазами, пронизанной тонкими сиреневыми венками, протянулись зыбкие тени длинных ресниц.

Марго перевернулась на спину, покачнув матрас, и потянулась, преодолевая боль в напрягшемся предплечье. Из-под ресниц Стар взглянул на плавные линии её фигуры, на грудь,

чуть более показавшуюся из-под майки, и отвёл взгляд в сторону. Затем он почувствовал тело Марго совсем рядом с собой, а ещё и её перебинтованную руку, которая легла ему на грудь.

Иногда прикосновения всё снова и снова открывали для него целый новый мир – тактильность, новую грань, новый уровень взаимодействия с людьми. Прикосновения Марго, когда она его обнимала, были ему приятнее всех (наверное, до недавнего времени – смутное неприятное чувство); в конце концов, наверное, только ей он позволял прикасаться к себе...

Глаза Марго были прикрыты. Стар провёл ладонью по её волосам и ласково спросил:

– Засыпаете?

Марго помотала головой, пробормотав что-то невнятное.

– Засыпаете, – уже утвердительно повторил Стар.

– Да нет же! – возразила Марго и в один момент уже села на кровати по-турецки, оттолкнувшись от матраса здоровой рукой.

Стар тоже сел. Оглядев Марго, он улыбнулся и произнёс:

– Какая вы миленькая.

Марго тоже улыбнулась. Затем – взяла свой телефон.

– Хочу узнать, где Денис, – пояснила она.

Стар поджал губы и нахмурился.

– Послушайте, Марго, я не хочу лезть в ваши с ним отношения, но мне больно видеть, что вы переживаете из-за него.

Вы не заслуживаете такого! Если это происходит из-за меня – то только скажите... Я хочу, чтобы у такой замечательной девушки всё складывалось исключительно хорошо. Вы и так пережили слишком много, может – и по моей вине...

Марго подняла глаза от телефона. Её брови в изумлённом изгибе стянулись к переносице.

– Петь... – вздохнула она. – Что ты такое говоришь?!

– Я хочу, чтобы у тебя... у вас – всё было хорошо, и хочу сделать для этого всё, что в моих силах. Даже если для этого придётся потерять тебя, то остаток своей жизни я буду жить со знанием, что совершил для ближнего хоть что-то хорошее, правильное...

У Марго дрогнула губа.

– Петь, то, что происходит в наших с Денисом отношениях – это исключительно наши с ним проблемы. Мы можем разобраться вдвоём.

– А почему же тогда ты пишешь мне, когда у вас что-то происходит? – как-то ехидно спросил Стар.

– Н-ну, потому что ты можешь понять меня...

Стар смотрел на неё – с грустью.

– Могу понять, – повторил он. – Могу понять – но совершенно ничего не могу сделать...

Марго задумалась.

– А знаешь, – решила она, – я могу с ним договориться – и вы поговорите, если хотите. Может, это даст ему понять, что для его ревности нет оснований.

– Да, можно, – согласился Стар.

—

*Биотит – минерал, калий-алюминий-магний-железо содержащая слюда. Как правило, обладает тёмными оттенками: чёрным, бурым; имеет стеклянный блеск.

Соя

В столовой университета, как всегда в это время, все столы были заняты. Студенты шумели, двигали стулья, звенели посудой. Эля стояла с подносом в руках и высматривала свободное место. За её любимым столом – в центре зала, у колонны, в гордом одиночестве сидела девушка с фиолетовыми волосами, стриженными под каре.

– Привет, у тебя не занято? Я присяду? – спросила Эля.

Девушка пододвинула к себе пластиковый стаканчик с чаем и подняла на Элю улыбающееся лицо. У неё были круглые светло-зелёные, как крыжовник, глаза, особенно контрастные на фоне фиолетовых волос.

– Нет. Садись, конечно, – ответила она нежным эстраженным голосом.

Эля опустилась за стол и поставила красный пластиковый поднос, на котором были салатник с оливье, сосиска в тесте и чай. У девушки с фиолетовым каре, сидевшей напротив, были только чай и печенье.

Эля принялась за салат.

– Красивый макияж, – сказала ей девушка напротив.

Эля не расслышала в шуме столовой. Её рука с вилкой замерла над салатником, и она вопросительно подняла глаза на незнакомку.

– М-м?

– Красивый макияж, – повторила та.

– А... – смутилась Эля, совершенно не довольная получившимися у неё в этот день стрелками. – Спасибо...

Девушка с фиолетовыми волосами поднесла стаканчик чая к губам. Спрятавшись за волосами, Эля решила рассмотреть её. Яркая, округлая. У неё на щеках под глазами редкие золотистые веснушки. Макияж тоже интересный: тёмные дуохромные тени, сине-зелёные, контрастные белые стрелки и белая тушь.

– У тебя тоже, – сказала Эля.

Она ела салат, согнувшись над столом. На соседнем отодвинутом стуле от неё стояла раскрытая сумка со сломанной молнией, в которой обнажились тетради и корешок учебника. Девушка с фиолетовыми волосами заглянула через стол и спросила своим обволакивающим эстрагеновым голосом:

– Ты ходишь на немецкий?

– Да, – кивнула Эля.

– Я тебя видела, – продолжила девушка. – Я хожу на французский.

– Кажется, я тебя тоже видела. С какого ты факультета?

– Экономического. А ты?

– Биохим.

– Ого, круто! Интересно?

– Да. Так. А на каком ты курсе?

– Первом, – ответила девушка, но пояснила, когда Эля удивилась, – магистратуры.

– А-а, понятно. Я на втором курсе бакалавриата... Кстати, я – Эля. А ты?

– Все называют меня Сойей, – загадочно ответила ей собеседница.

Так они познакомились.

Несмотря на то, что Сойя была явно старше Эли, она выглядела совершенно невинной и беззащитной: добрые (или немного безумные) зелёные глаза, мягкие черты лица, крупные губы и какая-то ненавязчивая неопрятность во всём внешнем облике. Так, волосы у Сойи, например, были взъерошены, а чёлка примята, тени растушёваны грязновато, помада вообще стёрлась с губ, а одета она в бордовый свитер из девяностых в катышках...

– Прикольный свитер, – отметила Эля.

– Спасибо. Нашла в секонде у друзей. Знаешь – башня между Ленинградским и Ярославским вокзалами?

– Водокачка?

– Ну – да. Там коммуна. Они сделали фри-прайс секонд-хенд. Можно прийти и взять что угодно за любой комфортный для тебя донат.

– Ого, интересно, – протянула Эля, мысленно со стыдом признаваясь себе, что мало что поняла, да и вообще – за общим неразборчивым гвалтом столовой даже не расслышала, как представилась её собеседница, а переспросить постеснялась.

Она невнимательна к людям. Весь этот разговор изначально-

но – как будто чистая формальность из уважения к этой девочке. Её (Соню? Зою?) Эля, к слову, иногда видела в учебных корпусах, преимущественно, гумпеда или кибернетики (какое ретрофутуристичное слово) – и каждый раз эта студентка, выглядевшая довольно неформально и державшаяся, как бы, особняком, всегда привлекала Элино внимание. В целом, её внимание привлекали практически все неформально выглядевшие студенты, коих в университете встречалось достаточно, и сама Эля, пожалуй, была одной из таких (значит – на неё тоже смотрят).

Эля носила густые тёмные волосы, которые часто собирала в пышный высокий хвост или две косички. Глаза она красила яркими тенями и подводила чёрными кошачьими стрелками. Особенно ей шли зелёные или красные тени, которые так хорошо подчёркивали глаза цвета таёжной хвои. Много хайлайтера, яркие или тёмные помады. Так – она прятала (пе-ре-ри-со-вы-ва-ла) лицо в масках крикливых, броских макияжей, а тело – в многослойных оверсайз одеждах, из-за чего казалась больше, чем была на самом деле. Испуганные кошки пытаются казаться внушительнее, когда их шерсть становится дыбом.

Пережевав салат, Эля решила поинтересоваться у новой знакомой – так же формально:

– Ты в общаге живёшь?

Где располагались общежития экономфака – она не знала. Те серые высотки, печальные вытянутые окна которых

подглядывали в щели между жалюзи в столовой, приютили в себе студентов-биохимиков, будущих агрономов, ветеринаров и экологов. Гумпеду и иже с ним, по-видимому, отводились скромные малоэтажные общежития в конструктивистском стиле. Говорили, в отличие от более новых, серых, это были общежитиями коридорного типа.

В ответ на Элин вопрос Сойя отрицательно мотнула головой.

– Нет. Я живу в коммуне, – ответила она, чем немало удивила Элю: сегодня та вообще впервые услышала, что в двадцать первом веке люди могут жить в коммунах.

– В водокачке?

– Нет, в «Лесу» на Новоясеневской.

– Мы там были на практике по геологии. В парке.

– Да, мы живём как раз возле парка! По выходным или просто вечером по будням мы выходим туда гулять. У некоторых там есть арт-проекты...

Сойя была странная и то, что она рассказывала – звучало странно. Коммуны, арт-проекты, секунд-хенды... У Сойи такой приятный нежный голос, милые растрёпанные волосы – а под помятой чёлкой зелёные глаза, как будто наливающиеся безумием.

Сойя допила чай из пластикового стаканчика, но не ушла, а осталась сидеть – не торопилась, времени до конца перерыва оставалось достаточно. Она сложила на коленях руки, откинулась на спинку стула и стала смотреть на Элю. Вся та-

кая мягкая: мягкие волосы, мягкие черты лица, мягкий голос. Нарочито как будто нежная или – нет? Сколько стараний ей стоит говорить таким мягким голосом, делать такие мягкие, плавные движения и так нежно смотреть? А в глазах скрывается что-то...

Эля доедала салат, закрывшись мисочкой, и сквозь мешающиеся пряди волос смотрела на Сойю – имя (прозвище?) которой так и не отважилась переспросить. Смотрела – настороженно, как дикий зверёк, и мысленно умоляла отвести взгляд. Эти безумные зелёные глаза смущают, отбивая всякий аппетит.

Прозвучал нежный голос Сойи, она спросила:

– Тебе неприятно есть из-за того, что я смотрю? – чем ненадолго вогнала Элю в ступор.

– Да, – призналась та.

Сойя склонила голову набок и стала искоса рассматривать пол столовой, похожий на брекчию*: угловатые белые обломки мрамора в цементе.

– Извини, я понимаю, – сказала она каким-то севшим голосом. – У меня самой – пограничное расстройство и иногда тоже так бывает... Где у тебя сейчас будет пара?

– На углу.

– А что там?

– Биохимия. А у тебя?

– У нас почти все пары в десятом. Сейчас будет информатика.

– Ясно... – кивнула Эля.

– Ладно, я пойду.

Соя со скрежетом отодвинула стул, встала, подхватила сумку со значками.

– Думаю, ещё увидимся, – сказала она. – Кстати, в эту субботу у нас будет квартирник. Приходи.

*Брекчия – горная порода, сложенная из сцементированных угловатых обломков.

Настоящие вещи

Промозглый вечер опустился на территорию университета. Вдали зажглись окна высотных общаг – продолговатые прорехи в мутной холодно-синей темноте. Зажглись вытянутые, закруглённые кверху окна учебного корпуса. Через площадь громыхали невидимые трамваи. Во влажном воздухе дым от сигареты был ещё белее и гуще: укрытая навесом, по которому хаотично постукивали капли дождя, прокатывались, отдавались звоном по металлу, стояла и курила Эля. От её пальто, потяжелевшего от впитавшейся влаги, пахло сырой шерстью.

Занятия закончились, но она не торопилась домой. Её одноклассники уже разошлись, мимо проехало два-три трамвая в нужную сторону – а Эля одиноко стояла и курила. У неё между пальцами тлела сигарета. Эля всматривалась в силуэты, проходящие мимо неё: это другие студенты из дальних корпусов шли после занятий на трамвай или в общежитие. Аллея между корпусами медленно пустела.

Эля заметила фигуру, двигавшуюся со стороны библиотеки – какая-то девушка, накрывшаяся большим капюшоном, под которым не видно лица, шла, то ли прихрамывая, то ли переваливаясь. Через плечо – сумка, увешанная значками, круглыми бляшками в темноте. Девушка двигалась медленно, направляясь при этом не на трамвайную остановку,

а описала дугу и остановилась в самой курилке. Из темноты Эля услышала знакомый мягкий голос:

– Девушка, извините, у вас не будет сигареты?

– Будет, – ответила Эля и, зажав свою сигарету зубами, полезла в сумку.

Для этого ей пришлось наклониться, и тёмные волосы заслонили лицо, некоторые попали в тлеющий кончик сигареты, и кончики свернулись, оплавившись.

Под навесом курилки девушка сняла капюшон.

В темноте Эля различила фиолетовое каре. Перед ней стояла Сойя.

– На, – сказала Эля, протягивая открытую пачку сигарет.

– Спасибо, – проговорила Сойя своим нежным голоском, двумя пальцами зацепляя и выуживая из пачки сигарету – длинную, белую, тонкую. – Это не с тобой мы вчера виделись в столовой?

– Возможно. Ты – Зоя, верно?

– Сойя, – поправила она.

– Это твоё настоящее имя? – удивилась Эля.

– Что ты имеешь в виду?

В руках у Сойи щёлкнула зажигалка, и на долю секунды её лицо озарилось золотистым, подсветились розовым волосы. Она прикурила, а затем подняла на Элю глаза. Даже в темноте чувствовался её сосредоточенный взгляд.

– Я никогда не слышала такого имени, – как бы попыталась оправдаться Эля. – Я имею в виду... у тебя так написа-

но в паспорте?

Сойя шумно втянула ноздрями воздух, затем в темноте перекатился её наигранный смешок. В целом, она вся как будто была наигранная: и её голос, и интонации, и движения. В речи Сойи тоже была определённая доля пафоса.

– Почему, если имя написано в паспорте, то оно должно быть настоящим? В моём паспорте, к сожалению, написано то имя, которым нарекла меня моя матушка. Откуда она тогда могла знать человека, кому даёт это имя? По сути, это самое большое насилие – дать новорожденному ребёнку имя, которым его потом будут называть ругаясь, избивая, насилуя... *Настоящее* имя себе могу дать только я сама: потому что я знаю себя достаточно хорошо для этого. Моё настоящее имя – Сойя, несмотря на то, что бы где ни было написано. Я – Сойя.

– Прости, – смутилась Эля, выслушав её. – Ты права.

Голос Сойи звучал наигранно глубоко, интонации – артистично, но почему-то всё равно искренне в своём артистизме. Хотя бы один человек – как чувствовала Эля – для её собеседницы уже был аудиторией.

А малиновый огонёк сигареты осветил округлые пальцы Сойи, её пухлые губы. Её голос в темноте смягчился:

– Почему ты просишь прощения?

– Я задала некорректный вопрос, – пояснила Эля.

– Ничего страшного, – мягко, снисходительно возразила Сойя. – Это далеко не самый некорректный вопрос из тех,

которые мне задавали. Вообще, часто приходится слышать, когда у тебя есть пограничное расстройство...

– Ох-х, – вздохнула Эля. – Вот это да... Извини, а ты..? как ты узнала про свой диагноз? Ты обращалась к частному врачу?

– Нет, – мотнула головой Соя. – Когда мне было четырнадцать лет, матушка отвела меня в ПНД, а уже оттуда меня направили в больницу. Оттуда я вышла с диагнозом.

Эля с интересом посмотрела в её призрачно-бледное лицо, подчёркнутое контрастными тенями. Соя была похожа на луну, зависшую в мутном небе.

Шелестел дождь, тарабанил каплями по навесу курилки. Асфальт походил на чёрный минерал (биотит) под плёнкой луж, в которых золотистыми дорожками отражались окна учебных корпусов. Рассекая лужи шинами, по улице проносились машины, гудели и лениво стучали трамваи.

– Получается, ты стоишь на учёте? – уточнила Эля.

Соя тряхнула фиолетовыми волосами.

– Да.

– А были какие-то, может, проблемы при поступлении?

– Если ты о том, помешал ли мне учёт в ПНД, то – не особо, – ответила Соя очень важным тоном. – Проблемы были только из-за расстройства, уже после поступления. Я не сразу смогла закончить первый курс, потому что пару раз попала в больницу.

– Как так? – удивилась Эля.

– Ну, первый раз, я тогда ещё жила в общежитии, накануне сессии у меня была попытка суицида, и соседка тогда вызвала «скорую». Во второй раз меня уговорила лечь... подруга. Оба раза приходилось брать академы.

Эля задумчиво посмотрела перед собой. Ей было неловко, что странная Сойя так непринуждённо делится с ней этим всем, но с другой – это было интересно. Сойя была интересна – такая наигранная, но в то же время, искренняя и непринуждённая. Это была их вторая в жизни встреча, но Эля уже столько знала о ней.

И она решила рассказать о себе, надеясь, что они с Сойей никогда больше не пересекутся – ни в столовой, ни в курилке, ни на кафедре иностранных языков:

– Я думала, что если состоишь на учёте, то будут проблемы с тем, чтобы поступить, чтобы устроиться на работу... Просто в школе мама отводила меня к какому-то врачу по совету школьного психолога, у меня что-то нашли, я не знаю, что, потому что после этого от меня прятали карту, а потом бабушка быстро остановила всё это и запретила маме вести меня в ПНД – как раз потому, что меня могли поставить на учёт. У меня бабушка такая, – вздохнула Эля. – Я до сих пор с ней живу. А мама... она пыталась мной заниматься, но кажется, что никогда не доводила, что начинала, до конца. Например, она один раз подходила к классной руководительнице, когда у меня начались проблемы в школе, а потом говорила, что ей некогда и я могу разобраться со всем сама.

А я не могла, я была ребёнком... Она записывала меня к репетиторам и забывала давать деньги на занятия... Честно, мне кажется, – надломлено призналась Эля, сама удивлённая этой внезапной исповеди, – что она просто строит свой идеальный мир со своим мужем, и там нет места проблемам, но только: её главная проблема – это я.

– Понимаю, – сочувственно проговорила Соя. – Для моей матушки я тоже была проблемой, иначе бы она не спланировала меня в больницу, и не называла бы жирной, когда я поправилась от таблеток. Но сейчас, когда она осталась в другом городе, я чувствую себя свободно.

– Везёт, – вздохнула Эля. – А откуда ты?

– Валдай. Это в Новгородской области.

– Далеко... Это там, где – колокольчики?

– Ага, – кивнула Соя. – И исток Волги. А ещё – население четырнадцать тысяч. Честно, надеюсь, никогда больше туда не вернусь.

– Я бы тоже хотела уехать из своего города, – вздохнула Эля, отрешённо глядя на истлевшую до самого фильтра сигарету меж своими пальцами.

– Разве ты не из Москвы?

– Нет, – мотнула она головой. – Я из области.

– О... И долго тебе ехать?

– Два часа, – Эля зажала догорающую сигарету зубами.

– Поэтому сейчас я должна быть на вокзале. Но я не хочу домой.

– Если хочешь, я могу договориться, и ты переночуешь у нас в коммуне, – предложила Сойя.

Эля удивлённо взглянула на неё, но отказалась.

– Нет, спасибо. Я лучше поеду домой. Пока.

Она рванула было из-под навеса, но Сойя окликнула её:

– Стой!

Эля замерла.

– Обнимемся на прощание? – спросила Сойя, раскрывая объятия.

– Что? – не поняла Эля, но уже почувствовала, как Сойя обхватила её обеими руками и прижалась так, что её волосы, на которые, как бисер, были нанизаны капельки дождя, легли на плечо Эле.

Эля застыла, положив руки на спину Сойе – на куртку, влажную от дождя. Прикосновение – эта девчонка нагло вторглась в её мир, ожила, стала *настоящей*.

Лаба

Эля сидела в полупустой столовой, пока остальные её одноклассники были на семинаре по биохимии. Перед ней на столе стоял пластиковый стаканчик с чаем, лежала замотанная в пакет сосиска в тесте и открытый скетчбук. Под её рукой послушный карандаш оставлял грифельные следы на шершавостях бумаги, и Эля, оградившаяся от мира тёмными прядями, словно пытаясь спрятать свой сокровенный скетчбук, увлечённо выводил линии, подтирая уголком ластика, легко наносила штрихи.

Она рисовала платья на пластичных фигурах, вдохновлённых моделями с эскизов модельеров начала прошлого века. Безликие женские фигуры в детализированных нарядах оставались за грифелем Элиного карандаша. В образах этих – отпечатки моделей Поля Пуаре, Кристиана Диора, Коко Шанель, Ива Сен-Лорана; но чаще всего в Элиных рисунках присутствовал дух театральных костюмов...

Грифель карандаша шептал по плотной шероховатой бумаге.

Какой-то звук – Эля отвлеклась от рисунка и подняла голову. Через стол от того, где расположилась она, белел седой затылок декана... «Вот чёрт! – пронеслось в голове у Эли, когда её пальцы судорожно захлопывали скетчбук. – В деканате же сейчас обед! Какая я лошара...» Её белые руки дро-

жали, цепкие пальцы впивались в твёрдую обложку скетчбука на пружинке, собирали со стола карандаши, пенал, сосиску в тесте... И прежде, чем встать, Эля быстро допила остывающий чай.

Тихо, тихо отодвинуть стул...

Прикрываясь волосами, прячась за столбами (я не вижу – меня не видно), Эля прошла к выходу из столовой и вынырнула вон. Из столовой она вышла, зажав в одной руке заморозку в пакет сосиску в тесте, и обошла здание по периметру, чтобы выйти на лужайку, где стояла беседка.

На газоне, усеянном солнышками маргариток, сидели собаки с жёлтыми бирками на ушах. Чёрная собака с треугольными ушами и мохнатыми боками – её Эля про себя прозвала Танк, за её неповоротливость и невозмутимость. Блинная длинношёрстная собака с чёрными пятнами на носу и ухе, которой Эля негласно дала кличку Черноух. Ещё одного пса Эля назвала так же, как Марина Цветаева назвала одного из бродячих псов в Коктебейле – Шоколад, тёмно-рыжий, почти коричневый, с короткими лапами и длинной мордой. При появлении Эли собаки зашевелились и потянули морды в её сторону, учуяв запах сосиски в тесте.

Эля остановилась, держа подмышкой скетчбук.

– О, – улыбнулась она, – друзья...

Затем Эля опустилась на корточки, вытянув вперёд руку с кусочками сосиски. Собаки осторожно потянули к ней морды, влажный нос ткнулся ей в пальцы. Раскрылась розовая

собачья пасть, и Черноух стащил с Элиной ладони розовый кусок сосиски. Танк и Шоколад приблизились к Эле. Она улыбнулась и почесала Черноуха за ухом.

– Хороший мальчик, – приговаривала Эля, пока собаки доедали её сосиски в тесте, прямо с хлебом.

«Ну вот – мои друзья в универе», – не то с насмешкой, не то с грустью подумала Эля, глядя на собак.

Медленными шагами, надеясь не спугнуть евших собак, она направилась к беседке.

– О-о, привет! – удивлённо воскликнула Эля.

В беседке сидела Сойя. Как обычно – она с растрёпанными фиолетовыми волосами, помятой чёлкой; большой чёрно-коричневый свитер в катышках, сползший с плеча и обнаживший атласную с кружевом персиковую ляжку. На коленях, на короткой синей клетчатой юбке, надетой на плотные чёрные колготки, Сойя держала раскрытый блокнот. На ногах у неё были жёлтые мужские ботинки, над которыми топорщились собранные гетры.

При появлении в беседке Эли она встрепенулась, подняла светлые глаза – и её мягкие округлые губы расплылись в улыбке.

– Привет, – нежным голосом отозвалась она.

– Я присяду? – спросила Эля, подходя к скамейке, а когда получила утвердительный ответ, спросила ещё: – Что делаешь? – закидывая тяжёлую сумку себе на колени.

– Пришла от врача, – ответила Сойя. – Ездила за рецептом

на таблетки. Потом пойду на пары. А ты?

– А я проёбываю пару. Сейчас в столовке сидела и – представь! – увидела нашего декана!

Сойя пристально смотрела на неё, изображая всей собой внимание. Когда так смотрели, Элю смущало – и тут она на мгновение потерялась. Потом она неловко хохотнула, стыдясь самой себя, голос её дрогнул:

– Главное – это что он меня не видел!

Мягкие губы Сойи сложились в улыбку. У неё такое доброе, простое лицо – а глаза светятся каким-то опасным огоньком. Безумная!

Эля писала о том, какая милая эта девочка с эконома.

Пётр Старицкий

12:35

Ну вот видите, а вы говорили, у вас нет друзей в универе

Эля оторвала глаза от телефона и уставилась в пустоту, представляя себе образ Сойи и пытаюсь сопоставить это с понятием «друг». Может ли так выглядеть её подруга? Знакомая – вполне. Эля любит (коллекционировать) милых и странных знакомых.

Элина Калинина

12:38

У меня нет друзей

Холодный порывистый ветер задувал в беседку и трепал фиолетовые волосы. Сойя молчала. Эля тоже молчала, разглядывая её. Пухлые губы, нос картошкой, исчезающие на

осеннем солнце веснушки и огромные глаза. «У меня нет друзей», – повторила про себя Эля. Красивая и милая Сойя выглядела слишком далёкой, слишком красивой и слишком милой для того, чтобы быть её подругой.

– Я вот думаю, – своим поставленным нежным голоском щебетала Сойя, – может быть, сейчас я зря приехала и мне стоит вернуться домой?.. К тому же, сегодня мы готовимся ко квартирнику...

– Квартирник? – переспросила Эля. – Где?

– В коммуне. Хочешь прийти?

– А когда?

– В пятницу. А так – можешь хоть сейчас со мной. Сегодня у нас фотовыставка!

Эля задумалась.

– Что за выставка?

– Про наш район.

Эля почесала подбородок, задумчиво глядя перед собой. С одной стороны, ей очень хотелось сейчас сорваться и поехать с Сойей к ней в непонятную коммуну на непонятную фотовыставку, но с другой стороны, на улице было промозгло и сыро, пальто напиталось влагой. Ещё Элю клонило в сон и она думала о тёплой аудитории и о том, как когда следующая пара кончится, она поедет домой.

На последней паре, в конце, когда за вытянутыми окнами корпуса светилось лиловое небо, была защита лаборатор-

ных работ. Студенты толпились у стола преподавательницы, толкались, иногда галдели – и тогда грузная женщина с химзавивкой поднимала на них строгие чёрные глаза и сердито цыкала, а затем обращалась к студенту, сидевшему сбоку от её стола:

– Продолжайте.

Эля с тетрадкой в руках стояла в конце очереди. Каштановые пряди падали, прикрывая её лицо, как обычно. Наблюдая за тем, как строгая преподавательница сосредоточенно смотрит в тетради с лабораторными, проверяет расчёты, а затем задаёт вопросы, Эля дрожала и надеялась, что до неё очередь сегодня просто-напросто не дойдёт. Одногоруппники на стуле сбоку от преподавательского стола запинались, нервничали, сыпались. Как всегда, Эля чувствовала, что не готова.

Она не заметила, как её обступили двое одногруппников. Оба они, как их называли, «биба и боба», были спортсменами и защищали честь вуза в составе университетской сборной, за что преподаватели снисходительно относились к тому, что по натуре своей, эти двое были как пара сибирских валенок. К тому же, каждый из них, в силу сочетания высокой атлетичности и низких умственных способностей, а также довольно смазливых лиц (ну – готовые типажи подростковых сериалов), обладал удивительной наглостью. Так, Эля ощутила, что один коснулся плечом её плеча, и услышала шёпот над ухом:

– Переспим?

Она отшатнулась, налетев спиной на плечо второго, и уставилась исподлобья волчьими глазами. Не понимая, шутка это или нет, она покраснела от возмущения.

– Нет! – прошипела она. – Пошёл нахуй.

– Э-эля! – послышался с другой стороны голос второго. – Ну почему в тебе так много негатива?

– От твоего существования, – ответила Эля, оборачиваясь на него.

Парни загоготали. Их прервал голос преподавательницы:

– Тихо там! – а затем, спустя паузу, женщина подозвала к себе Элю: – А, Калинина, Эллина! Давно вас здесь не видела. Может, у вас будет, что мне рассказать?

Судорожно прижимая тетрадь к груди, как на заклинание, Эля прошла к столу.

Сначала преподавательница окинула взглядом её записи.

– Так, Эллина, – начала она, – и что же такое – КОЕ?

Эля молчала, потому что не расслышала вопрос, но постеснялась переспросить. Кто-то из одноклассников шепнул подсказку, но преподавательница стукнула ладонью по столу.

– Не подсказываем! – а затем повторила свой вопрос уже почти по слогам. – Что такое КОЕ? – голос её был более ровным и спокойным.

От волнения Эля была готова расплакаться, к её глазам подступили слёзы – поэтому она не смотрела на преподава-

тельницу, отвечая:

– Я не слышала, – говорила она тихо. – Это колониеобразующая единица.

– Если вы не расслышали вопрос – попросите повторить. Я не кусаюсь. И что же показывает КОЕ?

– Что показывает? – переспросила Эля, готовая вот-вот расплакаться от ощущения, что преподавательница считает её непролазной дурой и потому задаёт такие лёгкие вопросы. – Количество жизнеспособных клеток... бактерий... клеток...

– В чём?

– В единице объёма.

– Правильно. Ещё в чём?

На этот вопрос ответить Эля уже не смогла, потому что слёзы выступили из её глаз, а предательский голос пропал. Она заплакала.

– Не помню, – глухо, с трудом выговорила она.

Преподавательница вздохнула, быстро что-то начеркала в её тетрадке и как будто с какой-то брезгливостью отдала Эле.

– А сырость разводить тут не надо. Идите. Следующий!

Пряча мокрое лицо за волосами, Эля продиралась сквозь одноклассников. Кто-то спросил её:

– Ну, что у тебя?

Она боязливо раскрыла тетрадь и обомлела. За лабораторную стояла оценка «хорошо».

Вокзал II

– У вас глаза грустные, – произнесла Эля.

Пётр вздохнул. Его большие глаза повернулись в сторону девушки – и правда, грустные, даже в темноте видно. Эля прождала его у вокзала, пропустила три электрички. А он явился, как ей показалось, встревоженный.

– А у вас – руки холодные, – проговорил Пётр, сжимая её ладони в своих, тёплых и шершавых.

Из потресканных губ его вырывался пар.

– Мне часто говорят, что у меня грустные глаза, – выдержав паузу, продолжил он.

В темноте над гудящим вокзалом уютно желтели окна кирпичной водонапорной башни. Одноголосый вокзал объявлял отправление и прибытие поездов.

– Простите, что заставил ждать. Мне пришлось задержаться у... товарища, – продолжил он, виновато глядя на Элю. – Вы не сильно замёрзли? Может, пойдём посидим в кофейне?

Третьяковка

Вырвалась из дома.

Мама

10:45

Ты сама жалуешься, что мы мало проводим времени вместе, но теперь сама же пренебрегаешь семьёй ради какого-то хрена с горы!

Но Эля смахнула это сообщение с главного экрана.

Они договорились пойти в Третьяковку.

В ту субботу к маленькому домику бывшего фабричного посёлка на чёрной «хонде» приехала Людмила – Элина мать: высокая женщина за сорок с мелко выющимися волосами, очень похожая на Элю лицом. С ней приехал и Максим, но не стал заходить в дом, а остался ждать в машине. Максим не нравился Лидии Петровне (что было взаимным), так что его Лидия поносила ещё сильнее, чем свою вторую дочь.

Эля созерцала свою семью, и ей категорически не нравилось, что происходило вокруг. Эти люди, по какому-то недоумению оказавшиеся роднёй друг другу, на самом деле были как будто чужими: между ними всегда ощущался холод, отчуждённость, а порою и – вражда. И среди этого, довольно большого, числа людей, где каждый ежедневно преодолевал себя, чтобы оставаться, хотя бы условно, вместе, Эля находилась практически с самого рождения.

Матриархом её семьи, как в каком-нибудь «Сто лет одиночества», была бабушка, но в отличие от мудрой Урсулы, Лидия Петровна имела весьма склочный нрав и обладала авторитарным характером. Всё должно было быть по-её. Для Эли всегда было загадкой, как эта женщина сошлась с её мягким дедом и как Леонид Владимирович её терпит столько (сорок с лишним) лет, а ещё – как они родили и воспитали двух детей. Старшая дочь, Элина мать Людмила, несмотря на то, что доросла до высокой должности на своей работе, в личной жизни оставалась довольно инфантильной авантюристкой. Эля была её единственным ребёнком, ошибкой молодости, из-за которой ей пришлось сойтись с Константином. С ним они жили пятнадцать лет в, каком-то смысле, открытом браке, и поскольку каждый из них был больше занят личной жизнью и карьерой, Элей, в основном, занимались бабушки. Бабушку по отцу звали Эмилия Эдуардовна, и они с Лидией Петровной невзлюбили друг друга с первого взгляда. Единственное, в чём они сходились – так это в любви влезать в отношения своих детей. Родителей, как правило, Эля видела по выходным и праздникам, и воспринимала их, скорее, как просто друзей.

Когда Эля училась в девятом классе, её отец умер. До сих пор ей никто не сказал, от чего. А Людмила через какое-то время встретила Максима, который был моложе её более, чем на десять лет.

Была у Людмилы и младшая сестра. В кухонных беседах

за бокалом вина Людмила признавалась дочери, почему к сёстрам в семье было разное отношение:

– Женька незапланированная, поздний ребёнок. Мама всю беременность ходила и говорила: «Не хочу рожать. Пусть бы умерла. Пусть бы урод родился – я б тогда отказалась с чистой совестью».

У Людмилы с Евгенией тоже была довольно большая разница в возрасте – целых семнадцать лет. Из-за этой пропасти во времени они никогда не были близки.

Со своей тётёй в осознанном возрасте Эля почти никогда не общалась. В семейном фотоальбоме была только одна фотография, на которой они были запечатлены вместе: пятилетняя Женя с задумчивым, слишком взрослым выражением лица, и годовалая Эля. Долгое время Эля считала её своей сестрой. Между ними было всё так же мало общего.

Однажды в четвёртом классе Эля вернулась домой после уроков и обнаружила, что никакой Жени как будто никогда не существовало: в квартире не осталось ни одной её вещи. На вопрос, а где, собственно, Женя, Лидия Петровна только пожала плечами.

Позже в семью начали проникать слухи о том, что Женька...

Так, в то субботнее утро заехала Людмила. Высокая крупная женщина с чёрными локонами и густыми нарощенными ресницами.

– Явилась, – вздохнула Лидия петровна, запахивая байко-

вый халат поверх заношенной ночной рубашки, и крикнула в комнаты: – Эллина! Мать приехала!

Эля сидела в своей комнате у зеркала, за своим рабочим столом, покрытым разноцветной мерцающей пылью косметики. Отодвинув учебники, она разложила на столе косметику: баночки и тюбики с золотистыми крышками – розовое, жёлтое, синее, белое, чёрное, блестящее... Эля хотела быть похожей на тех девушек из интернета – с ровной бледной кожей, необычными макияжами и идеально ровными уверенными стрелками – но у неё предательски дрожали руки и всё получалось какое-то невнятное, кривое и неидеальное. Руку не набила...

Неосторожное движение – и с ресниц осыпалась тушь, отпечатываясь чёрным следом под нижним веком. На глазах у Эли навернулись слёзы. «Какая же я безрукая», – мысленно ругала она себя, борясь с желанием отшвырнуть все эти тюбики и баночки прочь, смыть всё с лица и никогда не показываться на свет божий: ведь мало того, что она безрукая, так ещё и лицом не вышла, раз на нём не выходит такого макияжа, как на всех тех кукольных девочках в интернете.

И тут:

– Мать приехала!..

Эля чертыхалась, с силой сжав кисти в кулаке.

Приезд Людмилы в выходной означал только одно: сейчас Элю будут звать, уговаривать, заставляя ехать куда-то с матерью и Максимом, ведь это важно – проводить время с се-

мьёй.

– О, ты уже собираешься? – обрадовалась Людмила, увидев Элю перед зеркалом.

– Да, – ответила она. – Гулять.

Людмила села на край кровати возле стола, за которым сидела Эля, и матрас продавился ещё сильнее. Людмила сложила руки с длинными пёстрыми ногтями на коленях. У неё были такие массивные бёдра, что обтягивающие их светлые брюки чуть ли не трещали по швам.

Людмила склонила голову набок и, искоса взглянув на дочь, жалобно спросила:

– А с нами не поедешь?

– Куда?

– В Абрамцево. Мы с Максимом едем на машине.

– Нет.

Графичные брови Людмилы поползли к переносице, надломились и проявили морщинку-клин.

– Почему? Мы хотим провести с тобой время. Должны же мы когда-то видеться?

– Тогда предупреждайте заранее, – вздохнула Эля. – Я уже договорилась на сегодня... У меня же тоже есть какие-то планы.

– И какие у тебя планы? Я же знаю, что ты всё время сидишь дома! Как можно быть такой молодой и такой неповоротливой?

– Я еду гулять в Москву, – повторила Эля. – Я уже дого-

ворилась.

– С кем?

– С друзьями.

– И кто твои друзья? Что вы будете делать? Мать предлагает тебе культурно провести время – и ты выберешь своих «друзей»?

– Мам, – простонала Эля, – я договорилась, ты понимаешь?

– Я как-то на досуге пролистнула список твоих друзей, – не унималась мать, – и это одни фрики. Только Тая нормальная. Я очень надеюсь, что ты едешь с ней.

– Ну, спасибо! – вскипела Эля, повышая голос. – Сначала ты говоришь, что я ни с кем не общаюсь, но когда я пытаюсь с кем-то общаться, ты осуждаешь мой выбор!

– Что ты кричишь? Не повышай на меня голос! Я тоже могу! Я очень разочарована, что моя дочь совершенно не умеет выбирать себе окружение, но ещё и променяет свою родную мать на этот сброд. Ты хочешь кончить как Женя?

– Женя всё ещё жива, – возразила Эля.

– Не для нашей семьи.

Запись в дневнике

Жизнь как будто проходит за стеклом.

Вот: я как будто еду в электричке, за окном проносятся платформы, люди на них, выхваченные оазисами света, а что за станции – непонятно; и в электричках их названия объявляют так глухо, невнятно, что непонятно – когда моя станция или я её уже проехала?

Третьяковка II

Вмешался дед.

– Что расшумелись?

– Вот видишь, – обратилась мать к Эле, – деда довела, – но сама как будто не верила в свои слова, а говорила заученную фразу.

Эля просто молча сверлила её взглядом.

Людмила ушла несолоно хлебавши. На улице хлопнула дверь машины и зарычал мотор.

Пришла Лидия Петровна, заворачиваясь в голубой байковый халат, встала в дверях. Эля тогда продолжила было краситься, но снова замерла.

– Мажешься? – проскрипел голос Лидии Петровны. – Что с матерью не поехала?

– Не хотела – и не поехала.

– Огрызок, – проворчала Лидия Петровна, поворачиваясь, сгорбившаяся. – Какая б ни была – а мать есть мать. Она тебе жизнь, как-никак, дала – а ты так с ней, так про неё...

Сгорбившись, она выглядела так, как будто её придавило ещё парой десятков лет. Эле как будто даже стало жалко её: вот Людмила же – её дочь, а они друг с другом такие же холодные; каждая живёт не так, как хочет другая. Только Эля ещё подумала: «А я ведь не просила мне жизнь давать».

– Куда собралась-то хоть? – небрежно спросила Лидия

Петровна, прежде чем уйти по коридору.

– В Москву.

– В Москву? – переспросила она и усмехнулась. – Разгнать тоску?

– Да, типа того...

– А с таким видом – только людей пугать!

«Ничего не понимает, карга старая», – подумала Эля, отворачиваясь к зеркальцу.

Так она отправилась в Москву: под тёмным пальто, готического фасона бархатном платье бордового цвета из Китая, которое ещё пришлось подгонять по себе и маникюрными ножницами кое-где подравнивать ворсинки, в чёрно-белых полосатых чулках и ботинках, замотанная в большую, как плед, чёрную ажурную шаль, и в широкополой бордовой же шляпе. Привлекая внимание, парадокс, экстравагантные образы скрывали беззащитную её от посторонних глаз.

У Эли была та удивительная способность, зачастую присущая людям довольно нестандартным и творческим: собранные ею образы олицетворяли собой фразу «так плохо, что даже хорошо». Создавать такое могут люди с, в определённом смысле, тонким вкусом, умеющие вычленивть красивое из некрасивого и балансировать на грани удивительного и отвратительного. Как правило, это – своеобразный акт эксгибиционизма, вплоть до вывернутых наизнанку потрохов, и смелое заявление о своей инаковости.

С Москвы-реки летел холодный ветер, порывами бил в ли-

цо, трепал волосы – и Эля одной рукой придерживала шляпу рукой сзади.

Они договорились с Петром встретиться у выхода из метро «Октябрьская». Эля опоздала. Она вышла ближе к перекрёстку, где по Крымскому валу носились шальные рвущие ветра, и оглядывалась по сторонам. У неё за спиной, со стороны Шаболовки, за домами возвышалась ажурная башня. Эля достала телефон и, разблокировав его замёрзшими руками, написала Петру:

Элина Калинина

12:15

Вы где? Я на месте

Среди незнакомых лиц знакомого не было видно. Широкий, шумный московский проспект, по которому речные ветра мечутся вслед за автомобилями – и давящий взор могучих важных зданий. Эля чувствует себя маленькой – и что все взгляды направлены на неё, такую маленькую. Все следят за ней. Все смеются над ней, такой нелепой, неуместной. Вот – проходят нарядные девушки, её ровесницы, и смеривают Элю взглядом с ног до головы. Они смеются? Это потому, что она такая смешная.

Эля пригнула широкие поля шляпы, прижав их обеими руками к ушам, и получилось, как будто шляпа – и не шляпа вовсе, а тот викторианский чепец, с дамой в котором нужно было стоять прямо лицом к лицу.

Эля зажмурилась, оставив под глазами отпечатки ресниц,

вздрыгнула – это кто-то сзади положил тяжёлую руку ей на плечо. И кажется, она даже вскрикнула – но выкрик её унёс, разбив на кусочки, речной ветер.

– Напугались? – послышался знакомый голос, бывший сильнее рвущего ветра.

Перед её лицом замаячили голубые глаза Петра. Он моргал, взмахивая изогнутыми соломенными ресницами, улыбаясь потрескавшимися губами. Взял Элю за запястье.

– Не делайте так, – строго сказала она, отпуская одну руку от головы, и шляпа подёрнулась, как собачье ухо, и расправилась. – У меня и так чуть не случилась паническая атака.

– Из-за чего? Простите, я не знал.

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – резко ответила Эля. – Я боюсь открытых пространств и толп. У меня агорафобия и мегаллофобия.

– Я не знал, – повторил Пётр.

Эля расслабилась и легко сказала:

– Теперь знаете, – подтянулась на носках и обняла Петра обеими руками.

Он обнял её в ответ, одну руку положила Эле на голову и прижав шляпу.

– А шляпка-то не улетит? – спросил он у неё на ухо; а затем отстранился – чтобы снова приблизиться и коротко, но уверенно поцеловать.

Когда он снова отстранился и заглянул в лицо Эле – та заулыбалась.

– На вас моя помада!

– Что? – изумился Пётр, прислоняясь кончиками пальцев к своему лицу. – Где? Какой ужас...

Эля полезла в сумочку, достала салфетки и зеркальце. В её руках мелькнул круглый осколок серого неба, в следующее мгновение – уже уместился маленький памятник Ленину со своим постаментом, стоявшие за ним здания, крошечные, уже не были такими страшными – если их было можно просто раздавить в ладони. Эля дала зеркальце Петру, затем обернула указательный палец салфеткой и попробовала стереть алые следы с его губ. Он отстранил её руку.

– Не надо. Я сам.

И они так стояли – на углу, на ветру. Пётр стирал со своего лица следы помады и ворчал:

– Ну и как теперь мне вас целовать прикажете, а?

– А вы очень хотите?

– Ну, знаете ли, когда гуляешь с девушкой, которая нравится, это было бы не лишним...

– Хорошо, – сказала Эля, поднося к губам салфетку.

Пётр удивлённо уставился на неё. Со стороны выглядело так, как будто Эля пытается сжевать эту салфетку.

– Что вы делаете?

Эля стёрла помаду с губы и довольно улыбнулась, сминая салфетку в руке.

– Ну вот. Теперь можете целовать, сколько захотите.

– Ну, раз так... – пробормотал Пётр и, обхватив Элю за

талию, притянул к себе.

Эля приникала к нему, поддавалась на поцелуи. Тёплые мягкие губы, дыхание, вылетающее паром и окутывающее лёгким облаком. Эля чувствует, что нравится этому молодому человеку – высокому, крепкому, сильному: об этом говорили прикосновения его руки, лежащая на её поясницу, близкое дыхание... Это очень нравилось Эле – нравится. Во многом – потому что ей не верилось, что она может кому-то нравиться, что кто-то может на неё восхищённо смотреть и вот так целовать.

Ветер – резвый, резкий, речной – порывался сдуть шляпу с её головы. Эля почувствовала, как сильная рука ухватила и прижала шляпу к её макушке. Холодный ветер жадно подхватывал и уносил прочь тёплое дыхание.

Серое здание Третьяковки за оградой Музеона.

– Здесь на каждом шагу встречаются чудеса, – под шаг чеканя, проговорила Эля.

– Да, прикольно, – согласился её спутник, оглядываясь по сторонам. Он был нахохленный от холодного ветра – дыхания близкой зимы. – Я здесь никогда не был.

– Правда? – удивилась Эля. – Я бываю здесь достаточно часто. С родителями, – и она начала экскурсию о том, что прежде здесь был пустырь, на который начали стихийно свозить скульптуры со всей Москвы...

В конце колоннады, как завершение перспективы, точка схождения линий и плоскостей – воздетая каменная ладонь.

Стой кто идёт!

Они, двое, поднялись по ступеням. Дверь. Просторное фойе с хрустальной люстрой и панорамным окном во внутренний двор. Всё светлое, почти белое – но за лестницей приглушённое освещение таит гардероб. Эля спешно сдала верхнюю одежду, включая шляпу, и развернулась на пятках. То же проделало её отражение в медном свете в зеркале на противоположной стене. Такие большие зеркала бывают в танцевальных залах. Эля схватила за руку Петра, а другой достала телефон.

– Я хочу с вами сфотографироваться! – заявила она.

Пётр – длинная шея обхвачена горловиной свитера, золотистая щетина на остреньком подбородке, потрескавшиеся губы – скривил лицо. На его сухом обветренном лице кожа как будто была совсем тонкая, и длинные мимические морщины глубже бороздили её, явственнее проявляясь. А он весь поёжился, вжал голову в плечи.

– Я не люблю фотографироваться.

– Пожалуйста, – умоляюще взглянула на него Эля.

– Нет.

– Я тоже не очень люблю фотографироваться, – призналась Эля, опуская руку с телефоном. – Я плохо получаюсь на фотографиях. А вам почему не нравится?

Пётр поглядел на неё искоса, сверху вниз, но как-то по-доброму, улыбнулся помятыми и больными губами.

– Вы, вроде, получаете на фотографиях вполне милень-

ко, – возразил он – и Эля почувствовала, как его рука легла на её талию. – Вы красивая. А мне не нравится, как я выгляжу.

Эля засмузилась, поспешила спрятать лицо за волосами, но скрыв её заалевшие щёки, скользкие прядки открыли её предательски покрасневшие уши. Пётр приблизился. Его зубы легко прикусили кончик Элиного уха, а затем он прошептал:

– У, ушки покраснели. Замёрзли?

Эля мотнула головой. Затем, осторожно выглянув из-за волос, она произнесла:

– Вы хорошо выглядите. У вас редкая внешность.

– Да? Разве? – удивился Пётр.

Эля закивала. Пётр улыбнулся и положил руку ей на затылок, привёл вниз.

– А вот вы, – проговорил он, – очень красивая, – затем наклонился и поцеловал её в скулу.

След его дыхания запечатлелось на её виске, Эля осторожно коснулась кончиками пальцев места его поцелуя, как будто бы так могла понять, всё ли в порядке с её макияжем. Её отражение – полметра до зеркала и ещё зазеркальных полметра – синхронно повторило это движение с таким же растерянным взглядом. Отражение, наверное, тоже не узнало её.

Какое-то патологическое неузнавание себя самой. Красивая, правда? Как же это можно понять, если даже и не зна-

ешь сама, как ты вообще выглядишь?

Эля наклонила голову к плечу и взглянула снизу вверх на Петра. Вот он – вполне себе красивый и понятно, как он выглядит.

– Иногда мне нужно смотреться в зеркало и фотографироваться, – произнесла Эля, заправляя прядь за ухо. – Часто мне кажется, что всё не по-настоящему и я – ненастоящая.

– Почему?

– Ну, – передёрнула она плечами, – как будто всё во сне. Как будто я, ну, то, что можно было бы понимать под «я», находится в нескольких местах сразу, одновременно – везде. Я не верю, что вот сейчас нахожусь с вами здесь.

– Почему же? Я же с вами...

– Я не знаю.

Потом, в одном из последних залов, у картины «Делегатка» Пётр остановился, задумчиво подперев кулаком острый подбородок. Эля остановилась у него за плечом, поражённая – словно ей дала пощёчину эта девушка с картины: гордая, с точёными чертами лица, в красной косынке. Смотрела эта девушка ещё так – небрежно, дерзко.

– На вас похожа, – сказал Пётр.

– Разве?.. Я больше ощущаю себя похожей на «Чёрный квадрат», – вздохнула Эля.

Пётр шутливо-критически осмотрел её с головы до ног и мотнул головой.

– Нет, не похожи, – возразил он. – Скорее – на какую-ни-

будь супрематическую композицию.

Это была шутка, но Эля подумала, что – не совсем.

– Если так посудить, то – да. Это же, получается, беспредметная живопись... Бес-пред-мет-на-я... Форма и цвет – и без предмета. Совсем как я. Только что-то бесформенное, абстрактное, неуловимое.

Пётр притянул её к себе за талию и шепнул на ухо, перекачивая в горле смешок:

– Нет, ну форма-то у вас как раз таки есть.

Эля, чтобы не выдать, что вот-вот засмеётся от неловкости шутки, отвернулась, закатила глаза и поджала губы.

– Но вообще, – потом рассуждала она (они) в зале супрематизма и/или беспредметной живописи, – может быть, в искусстве сама форма не так уж и важна...

– Почему?.. Хотите сказать, важно только наполнение?

– Наверное, тоже – нет.

– А что тогда?

Цвет и фигуры по стенам – вытащенные из предметности, из вещности и объектности, упрощённая и переосмысленная действительность; – а рядом – сложные субъекты действительности. Это – субъективное, переходящее в объективное и само ставшее объектом.

– Не знаю.

– Контекст? – предположил Пётр.

И Эля вновь пожалала плечами.

– Если бы исторический контекст был так важен, то разве

бы до нас дошло искусство из прошлого? – возразила она.

Монументальные стройки, вот-вот захватящие выбеленную, пустую часть холста, подчинящие и переделывающие его... Сейчас – это продолжится, ещё немного. Ничего станет чем-то, всем!

– Почему? Произведение искусства есть продукт исторического контекста и было бы ошибкой судить о нём вне исторического контекста. Разве бы мы поняли его без исторического контекста?

– Но сейчас для нас оно будет иметь другой бэкграунд, нежели для тех, кто жил, когда оно только появилось.

– И это тоже – исторический контекст.

Пётр прижался к Эле сзади, положив руки ей на талию. Они оба подняли головы.

Под стеклянным потолком раскинул крылья, собранные из деревянных фаланг, летательный аппарат – Летатлин...

– Идея?... – задумчиво спросила сама себя Эля.

– Это похоже на что-то, созданное да-Винчи, – заметил Пётр. – Впрочем, не удивительно. Наверное, ещё задолго до да-Винчи люди хотели летать...

– А вы бы хотели летать? – спросила Эля.

– Я? – переспросил Пётр, задумчиво хмурия лоб. Ему ещё не было двадцати, но кажется, гладкость белого лба уже нарушили мимические морщинки – так часто он хмурился, когда задумывался. – Да – да, наверное... Мне трудно представить. На высоте с разреженный воздух и низкое давление.

– Это да, – кивнула Эля.

Летатлин, наверное, никогда бы не смог подняться в воздух – но он был подвешен к потолку на металлические тросы, осеняя посетителей музея размахом своих крыльев. Пётр обнял Элю сзади, обдавая глубоким цитрусовым ароматом своего парфюма. Дыхание – а от дыхания словно покачивается крыло. Дыхание – восходящий поток тёплого воздуха... Не сбывшийся, но пережитый и переживаемый сквозь время полёт – это больше, чем полёт, самое олицетворение свободы.

Можно не мечтать о полёте, когда ты свободен?..

– С вами я чувствую себя свободно, – призналась потом Эля. – Мало с кем я испытываю это чувство.

У Петра грубые руки, шершавые от холода – но тёплые. И дыхание его – тёплое.

– Это хорошо, – шепчет он, – что вы чувствуете себя свободно со мной. Но что вам мешает чувствовать себя свободно с другими?

Из обветренных губ, вот-вот солюющихся с окружающим серым пейзажем, вырывался влажный пар. Ему суждено стать имеем, так что, может, это корочка инея на сухих губах Петра Старицкого? Они вышли на улицу и, перейдя дорогу, отправились в Парк Горького. Там палевые утки сливались с грунтом, когда выходили на берег и грели лапы, по очереди подтягивая по одной под брюшко. Серый пейзаж дополнял серебриющийся за деревьями «Буран» (тоже – символ несбыв-

шегося полёта).

– Мой дед занимался испытаниями пластин обшивки «Бурана», – поделилась Эля.

* * * *

– У вас бывает такое чувство, как будто всё вокруг не по-настоящему? Какое-то неправильное, фальшивое?

– Мне всё время кажется, что всё вокруг – неправильно.

– Да? мы точно говорим об одном и том же?

– Не знаю. Я же не знаю, о чём вы говорите...

– Вы настоящий.

Пётр вздохнул.

– Вы говорите почти как один мой товарищ...

– Что за товарищ?

– Неважно, – отмахнулся Пётр.

– Наверное, – чуть позже сказал он, – дело не в том, кто настоящий, а кто – нет. В конце концов, это дегуманизация. Только не говорите, что мы живём в матрице, – усмехнулся он. – Всё дело в отчуждении...

– Можно вас обнять?

Запись в дневнике II

Свет мёртвых звёзд растворился в сжавшейся концентрированной пустоте. Космическая бескрайность во мне сжалась и утихла, и звёзды померкли. ВСЕЛЕННАЯ СХЛОПНУЛАСЬ!

Пронзительная осень.

Пустота моей души

В детстве я ела бумагу

Парк Горького

Пётр выглядел отрешённым и мрачным. Эля смотрела на него, в его глаза – и сквозь всю ту привязанность, которую она почему-то испытывала к этому человеку, проглядывало что-то... Кроме как своей интуицией, Эй не могла объяснить это чувство, но зная о своей излишней мнительности, она не доверяла интуиции.

– Выглядите грустным, – заметила она.

– Нет, вам кажется, – возразил Пётр, тем самым на миг успокоив её. – Я просто устал.

– От меня?

– Нет. Как можно устать от человека? Просто – за день...

В руках у него был телефон, он что-то печатал.

Они сидели на скамейке в Парке Горького и смотрели на Москву на том берегу Москва-реки.

– Мы с вами сейчас в Замоскворечье, хотя сейчас для нас «замоскворечье» – это вон там, – вдруг сказала Эля, вытягивая руку и показывая на противоположный берег.

– Смотря какую систему отсчёта использовать, – усмехнулся Пётр.

Затем он резко повернулся к Эле, прижал к спинке скамейки и неловко поцеловал в губы – получилось, как будто он ущипнул её за губу. Эля захихикала и сказала:

– А вы всё-таки неправильно целуетесь.

– Да? И как же правильно?

Эля огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, и спросила тихо:

– А можно я сяду вам на коленки? А то так сидеть – прохладно.

– Ну, садитесь, – разрешил Пётр.

Устроившись у него на коленях, Эля взяла его лицо в ладони и наклонилась ближе. Их губы легко соприкоснулись. Она целовала его нежно и долго, принося всем телом ближе. Затем, оторвавшись, она сказала:

– Вот так.

И Эля снова осмотрелась по сторонам. Вокруг медленно опускался такой туман, что ничего нельзя было увидеть, даже если очень захотеть. Только островок со скамейкой и чёрный асфальт, к которому прилипали жёлтые листья. Эля неосознанно жалась ближе к Петру, будто их вот-вот тоже поглотит тяжёлый сырой туман, а если они будут вдвоём – то это не так уж страшно. Одну руку Пётр положил ей на талию, пытаясь прощупать девичьи изгибы сквозь влажный материал пальто. Другую он запустил во внутренний карман своей куртки, извлёк металлическую фляжку и пригласительным движением встряхнул ею перед лицом Эли.

– Что это?

– Виски. Будете?

– Да.

Пётр отвинтил крышечку и поднёс к губам Эли метал-

лическое горлышко, нагретое его телом и горько пахнущее стружками и спиртом. Эля пила прямо из его рук, потом онпил. Горечь спирта обжигала горло, затем они слизывали с губ друг друга древесный привкус. У Эли кружилась голова и всё тело как будто разбухало, она ближе жалась к Петру, их дыхание становилось горячее.

Пётр целовал её, в пьяных поцелуях пытаюсь сокрыть своювину. И тут Эля сказала:

– Я люблю вас.

Эти слова застали его врасплох.

– Мы, кажется, не так долго друг друга знаем... – пробор-мотал он.

– И что?

Прижимая её к себе и глядя в глаза – непокорные, как лес-ной пожар (они – лёд и пламя), Пётр попытался объяснить:

– Всё же, мне кажется, любовь – это какое-то более слож-ное... чувство? – которое рождается из какой-то совместной деятельности. Вы, безусловно, замечательная, смелая девуш-ка, и ваше внимание мне льстит, но неужели вы – можете *любить* такого мудака, как я?

Он осторожно коснулся шершавой ладонью Элиной ще-ки. Она смотрела осоловевшими глазами и, кажется, вовсе не понимала, о чём он говорит. Пётр же и сам чувствовал, что говорит сбивчиво и путано – о том, о чём не хочет, но не может не. Это то, что гложет его, то, что запускает холод-ную руку ему под рёбра и сжимает сердце, когда он пытает-

ся уснуть, оставшись наедине со своими мыслями. Это то, что он отчуждает от себя за конспектами и учебниками, что он категорически хочет обойти, не притрагиваться... Не видеть, не слышать, не говорить.

Но так предательски хочется – высказать...

– Кто вам сказал, что вы мудака? – только сострадательно спросила Эля.

– Эленька, я совершенно не пригоден для какой-то семьи, ещё чего-то... Мне кажется, моя судьба – однажды уехать на Крайний Север и жить там совершенно одному, до скончания века. А вы – вы обязательно найдёте того, кто будет относиться к вам лучше, чем я – так, как вы заслуживаете.

Эля насторожилась, нахмурилась, отстранилась и строго спросила:

– Вы – любите меня?

Пётр потупился, вздохнул.

– Позвольте начать издали, – виновато проговорил он. – Начнём с того, что я вас бесконечно уважаю. Однако, не поймите меня неправильно, я не могу вот так сразу ответить на этот вопрос. Дело в том, что для меня любовь – не вопрос пары дней, месяца... Мне вообще претят все эти «отношеньки»...

– Мне – тоже.

– Несколько лет я добивался одной девушки. Все мои прошлые отношения выглядели так: мы встречались, вместе выпивали, расставались – чтобы я, в конце концов, понял, что,

в общем-то, и не был никогда ей нужен. Мне понадобилось время, чтобы понять, что такое любовь. Мне понадобилось время, чтобы искоренить в себе ревность. Я думаю, что любить можно, в целом, и двоих... Любовь – это то единственное, что держит меня, я дорожу этим как идеей. Это последнее даёт мне надежду на то, что не такой уж я и плохой человек. А вы – последнее доказательство того, что я всё ещё умею любить... Получается, да, Эленька: я люблю вас.

Молчание – и напротив только глаза Эли, на доньях которых затаилось смутное сомнение, которое она усердно, сама и от себя, скрывает за облегчением, за надеждой, за радостью... Она чувствует, что сама же себя пытается обмануть, но старательно не замечает, как по-щенячьи виновато смотрит на неё Стар такими невыносимо серо-синими глазами, как предательски поджимаются его губы. Он и сам в замешательстве.

И он начинает бормотать:

– Это ведь неправильно – разбрасываться такими словами, – полувопросительно – а глаза беспомощно шарят перед собой; он как будто пытается уловить в лице девушки малейшее движение, одновременно ждёт и боится, когда спадёт пелена, затмевающая её глаза. – Мне всегда казалось, такими словами не разбрасываются, – и горло обжигает очередной глоток виски, то, что Стар говорит, растворяется в алкоголе: этанол – хороший растворитель; диссоциация увеличивает площадь взаимодействия, что ускоряет ход реакции...

Это – диссоциация...

Эля не верит: ей кажется, что она видит сон, где двое красивых молодых людей на скамейке в свете фонаря, а сама она в этом сне – в образе трагической декадентки. Молодые люди дышат дымкой красивой, страстной любви – и Эля *чувствует* это. А если чувствует, значит – жива! жива и даже осязаема – раз к ней прикасаются эти руки, ныряют под пальто, под юбку, раз к её лицу, к её шее и её волосам прикасаются эти губы в поволоке древесного послевкусия. Только Пётр не знает (существует ли он вообще?), что целует, что прижимает к себе вовсе никакую не «Эленьку», а загадочную декадентку, которая уже завтра, наверное, отправится за морфием...

Но – как же несусветно глупо, в то же время, чувствовала себя Эля, в этих чёрно-белых колготках, в дурацком дешёвом платье и с нелепым макияжем. Она не хочет, чтобы на неё смотрели и, тем более, прикасались – а горячие руки Петра уже сжимают её бёдра. Что-то такое, кажется, уже было когда-то или ещё не было. Почему-то в голову лезут странные внезапные воспоминания, никак не связанные с происходящим – и были они не то во сне, не то наяву: юг, лето, в ярко-голубом небе растворяется зной, стоит озоновый запах кипарисов, а маленькая Эля растерянно стоит посреди горячей асфальтированной дороги и смотрит, как на её нарядном сарафанчике проявляются багровые пятнышки с растекающимися, как у акварели, краями. Где-то в той же

реальности был солёный воздух, серо-синее (как глаза у этого Петра!) море, мокрая овальная галька, горячая кукуруза с хрустящими кристалликами соли, змея, выползшая на лестницу в парке, верёвочный гамак, повешенный между двумя платанами... И Эля, в девятнадцатилетняя Эля, зачем-то начала рассказывать о том, как в детстве ездила с бабушкой в Ялту, про качели на территории санатория и как у неё, когда она качалась на этих качелях, слетел с ноги сандалик и перелетел через забор, как они с бабушкой ходили искать его и у неё от жары пошла носом кровь.

И вдруг – у Эли, той девушки в Парке Горького, из глаз покатались слёзы. Она расплакалась совершенно как ребёнок, оттолкнула с себя руки удивлённого Петра, сползла с его коленей и запричитала:

– Не надо, пожалуйста, не надо... Зачем вы это делаете?

– Разве вам не нравится?

Вместо ответа Эля подавилась всхлипом, заломила руки, запрокинула голову – и град слёз не остановить. Пётр подскочил к ней, попытался обнять, но Эля высвободилась из его объятий и бросилась прочь. Пётр – за ней, крича, прося остановиться...

Эля убежала от него на каблуках, прижимая к себе сумку, не разбирая дороги – как от маньяка. В ушах колотилось сердце, она задыхалась, хватая разгорячённым ртом холодный воздух. Не то тропинка, не то асфальт, не то грязь...

Но вскоре Эля устала бежать и у подсвеченного павильона

«Гаража» позволила запыхавшемуся Петру себя нагнать. Он остановился и, чуть отдышавшись, спросил:

– Ну, и что вы убегали?

Не успела Эля ничего ответить, как – топот копыт. Возникли трое всадников сотрудники полиции, патрулировавшие парк. У лошадей лоснились крупы.

– Молодые люди!

Эля и Пётр синхронно повернули головы к трём конным патрульным – два парня и девушка. Все трое, похоже, не так уж и сильно старше их. У всех троих форменные куртки раздуты от поднадетых бронежилетов.

У Эли от бега покраснели щёки и горло саднило, а холодный воздух на вдохе был ещё холоднее. Спина под пальто вспотела. Сердце истошно колотилось.

Один из полицейских спешил к ней и приблизился к ней, отковырнул, показал удостоверение и представился заученно:

– Старший сержант Загородько. Вам нужна помощь?

Позади его коренастой фигуры на серой лошади восседала девушка полицейская.

Эля попятилась и замотала головой, беспомощно и виновато оглядываясь на Петра. Тот неловко ухмыльнулся и попытался объяснить:

– Всё в порядке, товарищ полицейский.

– Да, всё в порядке, – подхватила Эля. – Мы просто немного повздорили...

– Точно? – строго спросил старший сержант Загородько,

чтобы удостовериться, на что Эля твёрдо ответила:

– Точно.

Полицейский критически осмотрел их. Затем обернулся на коллег и спросил:

– Сопроводим ребят до выяснения?..

Те пожали плечами. Загородько ещё раз посмотрел на стоявших перед ним Петра и Элю, на всякий случай спросил у обоих документы, проверив которые, сказал:

– Ну, ладно. Как знаете. Раз всё в порядке, то простите за беспокойство.

Хрустя ветками, конные полицейские удалились. Оставшись у павильона «Гаража» вдвоём с Петром, Эля тихо проговорила:

– Простите...

Потом, когда они шли к выходу из парка, Пётр проговорил:

– М-да, хорошо, что доблестные полицейские не учуяли, что до этого марафона мы пили. А почему вы убежали?..

Квартирник на Новоясеневской

Сояя пригласила к себе – в коммуны на Новоясеневскую. После занятий Эля отправилась не домой, а в темноту: дождалась трамвая и сгинула в осеннем московском вечере. В то время, когда мокрый асфальт осветился отражающимся в нём электричеством, а по стенам домов ползли тени веток, перемежаясь с проводами, Эля спряталась в светлом трамвае, с определённой долей медлительности катившем по мокрым рельсам в противоположную сторону от той, куда она ездила обычно.

От университета до Новоясеневской – час на метро. Это окраина Москвы, по застройке идентичная окраине почти любого города: через дорогу на лес глядят выстроившиеся в геометрическом порядке серийные панельные многоэтажки восьмидесятых годов постройки. Один из домов, с фасада облицованный голубым, накренился. Как мосты, от него были перекинуты подпорки к соседнему дому – такого же типа.

Эля нахотлилась, спрятав замёрзший кончик носа в шарф (крепко пропах духами и сигаретами), огляделась вокруг – темно и пустынно, только машины проезжают мимо, слепя ближним светом. Холод пробирается под воротник – и это то ли на улице холодно, то ли от тревоги. Сначала Элина рука скользнула по бедру в карман пальто и выудила оттуда почти невесомую пачку сигарет, в которой ещё болталась и за-

жигалка. Сигарета в губы, дрожащее пламя. Потом другой рукой Эля нащупала в сумке телефон, вынула, включила. Подушечки пальцев прикоснулись к холодному дисплею.

Элина Калинина, 19:32

Мне здесь так тревожно

Пётр Старицкий, 19:34

Что такое?

Эля нажала на кнопку записи голосового сообщения. На записи шум ветра перебивал голос и рвал на клочья слова, когда она говорила:

– Я приехала к подруге из вуза в район, где я никогда не была. Я не знаю, куда идти. Мне очень тревожно. Здесь никого нет.

Шум проезжающих мимо машин. Прямая улица – по которой безнаказанно разгуливают ветра.

Эля открыла диалог с Сойей.

Элина Калинина, 19:40

Я на Новоясеневской. Куда идти?

Пластмассовый сон, 19:41

Мы сейчас подойдём

«Мы?» – удивилась про себя Эля и встревожилась ещё сильнее, до холодного спазма над желудком.

Вдалеке улицы показались две фигуры. По мере приближения в одной из них стало можно различить Сойю. Вторая – высокая худосочная девушка в длинной, в пол, юбке. Эля подумала о том, как, должно быть, неудобно, когда подол юб-

ки намокает и становится тяжёлым и холодным.

Эля тоже была в длинном узком пальто, плечи обмотаны объёмным ажурным шарфом, а на голове – широкополая шляпа, на полях которой посверкивали бисеринки дождя... Издалека её удлинённый силуэт выглядел как с модных гра-вюр эпохи модерна. Только вот под изящным на пальто, купленном ей матерью в порыве что-то купить, на Эле была отнюдь не юбка или платье, а огромный отцовский свитер из девяностых и узкие джинсы, заправленные в ботинки типа берцев, но с молнией со внутренней стороны.

Две фигуры приблизились так, что стали различимы лучше. Сойя бросила вперёд и чуть не сбила Элю с ног, повиснув на ней. Неожиданно...

– Привет, милая! – пропела Эле в ухо своим нежным голосом.

От неё пахло дождём, во взлохмаченных фиолетовых волосах искрились дождевики. Калева положила одну руку ей на спину, на влажную куртку, а вторую, в которой держала сигарету, отставила в сторону. На тонкой белой бумаге, проступая коричневыми жилками, вскипала смешивающаяся со смолой дождевая вода. Дым во влажном воздухе был гуще.

– А это – Ди, – представила Сойя свою спутницу.

Высокая девушка в длинной юбке и плюшевой леопардовой шубке отозвалась из темноты:

– Привет, – голос, в противоположность голосу Сойи, у неё был звонкий, мальчишеский, менее обволакивающий, но

более упрямый.

Внешне, насколько Эля могла разглядеть в темноте улицы, по стилю Ди отдалённо напоминала Марлу в исполнении Хелены Бонем-Картер, если не саму Хелену Бонем-Картер.

– Привет, – поздоровалась в ответ Эля, с интересом рассматривая леопардовую шубку, вероятно, добытую где-то в секунд-хенде. – Какая шуба!

– Спасибо-о! – пропела Ди и тоже сделала комплимент: – А у тебя красивый шарф!

Между ними суетилась Сойя, среди троих бывшая самого низкого роста.

– Я так рада, что вы понравились подружка подруге! – восторженно воскликнула она. – Ладно, пойдёмте! Тут очень сыро.

– Да, – согласилась Калева.

Ни у кого из них троих не было зонта, а дождь не унимался. Мелкая морось, расходясь, всё больше и больше превращался в полноценный дождь. С одной стороны на улице светились полупрозрачные окна домов, а через дорогу – темнела стена леса.

У высокой Ди на ворс леопардовой шубки нанизывались искристые бисеренки холодного дождя. Эля всматривалась в её лицо: выбеленное лицо с контрастными тёмными бровями и ресницами, на губах – рубиновая помада, очень привлекшая Элино внимание. Она поинтересовалась:

– Что у тебя за помада?

Ди назвала бренд, а потом пояснила:

– Он больше всех похож на “Russian red” от М.А.С., но дешевле.

Её макияж выглядел чище, чем у Сойи. И глядя на неё, Калева внутри себя тряслась мелкой дрожью от того, как плохо выглядела сама. По крайней мере, она очень стеснялась прыщей, периодически появлявшихся кое-где на лице, и того, как наверное, неаккуратно выглядит на ней старая сливовая помада, которую ей отдала бабушка, и которая, пожалуй, уже стёрлась с губ за целый день.

В подъезде, куда зашли Эля с Сойей и Ди, и на этаже, куда они поднялись, из всех очень выделялась одна дверь – старая, металлическая, глядящая на гостей всевидящим оком, выложенным бусинами вокруг глазка. Ди просто нажала на ручку и потянула дверь на себя.

– Вы не запираете дверь? – удивилась Калева.

Ди ответила ей, передёргивая прямыми плечами под шубой:

– Если только на ночь, – и переступила порог квартиры, которую они называли коммуной.

Три фигуры отразились в вытянутом зеркале, прислоненном к стене. По периметру оно было обклеено забавными рисунками витражными красками. На мгновение, прежде чем снять обувь, Эля замерла, чтобы заглянуть в зеркало...

Сливовая помада стёрлась с губ. Щёки алели.

– Кстати, крутая шляпа, – сделала комплимент Ди. – Всё

шла и смотрела.

– А? Да? – переспросила Эля. – Мне кажется, к твоему образу она подойдёт больше. Хочешь примерить?

– Давай! – согласилась Ди. – Но тебе подходит. Особенно – к помаде.

Эля сняла и передала ей шляпу. Ди подошла к зеркалу, держа шляпу за поля, и изящным движением надела на голову. Продолжая придерживать поля, она покрутилась у зеркала. Лицо её озарила восторженная улыбка.

– Вау! – воскликнула Ди. – Теперь я тоже хочу такую!

Эля улыбнулась.

От прихожей небольшой коридор вёл на кухню, откуда доносились звуки музыки и запах еды, бередивший чувство голода в пустом желудке Эли.

Вошедшие девушки начали снимать верхнюю одежду. Тёмное пальто, чёрная косуха, леопардовая шубка... Нашли крючки, куда повесить куртки, бордовая широкополая шляпа полетела на верхнюю полку, взмахнув полями, как крыльями. В груди обуви нашлось место и для трёх пар ботинок (как потом найти чёрные берцы среди горы чужих чёрных берцев?) – а Калева, Сойя и Ди переобулись в шлёпанцы.

– Через час у нас будет квартирник, – напомнила Ди, обращаясь к Калеве. – Останешься? А есть хочешь? Можешь поесть с нами.

– Да, не откажусь... – кивнула Калева. – А где можно помыть руки?

Местом, где можно помыть руки, оказалась тесная ванная комната – старая, с белым кафелем и облупившейся синей краской. Но и здесь жильцы разбавили упадок и скуку рисунками витражными красками на зеркале и кафеле и распечатками мемов на двери – бумага, при этом, была заботливо вложена в пластиковые файлы.

В кране, как в зеркале, за белёсыми известковым налётом, двигалось отражение Калевы. Помыв руки и не найдя нигде полотенца, которым могла бы вытереться, она отряхнула воду с рук о брюки. И она уже собралась покинуть ванную комнату, как её внимание приковало отражение за стаканчиками с зубными щётками на полке. Замерла – она, её лицо?.. Удивление, сомнение. Сегодня до этого мгновения она и не задумывалась, что выглядит – так. И неужели её можно даже потрогать?

Она лучше обтёрла руку о бедро и достала из заднего кармана телефон – чтобы сфотографировать своё отражение. Это, получается, копия копии. Вдвое – ненастоящее...

Но настоящее ли то, изначальное, с чего копирует зеркальное отражение?

Загадочное физическое тело, существование которого Калева никак не может признать – принять – поверить. Но если оно отражает фотоны, а потом ещё это скопище частиц отражается от зеркальной поверхности, то значит, что оно (она!) реально?..

Кто вообще сказал, что это всё, в принципе, – реально?..

Фотографию своего отражения, копию копии, Калева загрузила в чат с Петром Старицким.

– Мы не поняли «Матрицу»! – заявлял сидевший на кухне парень с партаками на коленях. – Начнём с того, что Вачовски сами не поняли «Матрицу»! Это – фильм о постмодерне. Это порождение постмодернистской культуры, обличающее постмодерн. Сам этот фильм – не то, чем кажется: он кажется чем-то, а в сущности – ничто, симулякр. Реальность постмодерна – это симулякр: всё и вся пытается казаться, а не быть... – Говоривший сидел на табуретке, только две ножки которой стояли на полу, потому что он носками отталкивался от скользкого линолеума. Парень был разгорячён, а раскачивание на табуретке как будто помогало собрать в единое целое мысли, запутавшиеся в растрёпанных чёрных волосах. – Постмодерн – абсурден! Мы сами не верим в его существование. Самая популярная на сегодняшний день теория заговора – это то, что мы, якобы, живём в матрице, если мы полагаем, что она основывается на фильме – то это же самая настоящая квинтэссенция постмодерна...

Калева стояла в дверях, слушая то, как рьяно вещает этот парень, ей было даже интересно. Лишь только неконтролируемые процессы размышлений в голове были запущены. Почему-то она зацепилась за одно единственное слово, которое как будто выбивалось, выпадало – такое смешное: «якобы». Мыслительный поглотил его, начал переваривать, доводя до абсурда: «Якобы... почему – якобы, Якобы? Что сдела-

ли Якобы?..» – откуда слово не обнажилось и не отделилось от своей семантике. И в реальности, тем временем, продолжалось фоном:

– Повторяю: постмодерн абсурден! То, что мы живём в матрице – это метафора, возведённая до абсурда. Постмодерн – это симулякр. Матрица – метафора постмодерна. Постмодерн – отображение общественного сознания бездушного общества потребления. Общество атомизировано, лишено эмпатии – и топорно воспринимая метафору о матрице, мы расчеловечиваем друг друга, низводя других людей до NPC, а себя представляя главными героями...

Калева пыталась слушать, ей было интересно, но она не могла не думать о чём-то другом, к чему её приводила цепочка мыслей, неизбежно начинающаяся с уже услышанного. То же с ней часто случалось, например, на лекциях.

– Причём одним из главных маркеров «игрового персонажа» считается способность испытывать дереализацию! – говорил парень, раскачиваясь на табуретке. Помимо него и Калевы на тесной кухне, конечно же, находилось и несколько других ребят, но они просто молча пили чай и слушали.

– Капитализм убил искусство, превратив его в ремесло. Постмодерн вырождается – и мы должны ему в этом помочь, – заключил черноволосый парень.

Сидевший за тем же столом парень около-интеллигентного вида (белая рубашка, чёрные брюки, остренькая рыженькая бородка), заметил:

– Смотри, Исса, ведь постмодерн трансформируется в метамодерн, но между ними, как и между другими этапами исторического процесса, нет чёткой границы. Может быть, мы уже сейчас – в метамодерне?

«Нет чёткой границы, – мысленно подхватила Калева, – это как горизонт АВ у выщелоченных чернозёмов», – что прервало другую её мысль: «Дереализация...»

– Может быть, мир заставляет нас чувствовать одиночество и отчуждение, потерянность? – несмело подала она голос оттуда, где стояла, и все её молча слушали (само внимание). – Может быть, мы заблудились, и от этого не воспринимаем окружающих людей подобными себе?..

Кухня была небольшая и довольно тесная, вряд ли рассчитанная на большие компании – так что места за столом, на табуретках, хватало не всем. Поэтому, наверное, чтобы выпить чаю, высокая Ди как-то сложилась и, как баба-начайнике, расположилась на разделочном столе между плиткой и хлебницей. Она свесила длинные ноги, скрытые юбкой из переливающейся сине-графитовой ткани, как будто перешитой из бабушкиных штор. Кажется, эта ткань называется тафта. Сверху на Ди – чёрная майка, скрытая под объёмным серо-голубым кардиганом грубой вязки. Ди сидит и изящно попивает чай из аккуратной фарфоровой чашечки с позолоченной каёмкой, другой рукой придерживая под ней блюдечко с такой же позолоченной каёмкой, и внимательно слушает, о чём говорят.

А парни за столом обратили внимание на застывшую в дверях Калеву – стоило той подать голос. Она пожалела, когда ощутила на себе их взгляды, но тут же успокоилась: никто не собирался агрессивно спорить с ней. Наоборот – тот, чернявый, Иса, согласился с ней:

– Да, ты права. Современное общество атомизировано. Одиночество в толпе – обыденное явление для современного человека. Поэтому мы здесь, – и потом его тон стал более дружелюбным. – Хочешь чаю? Проходи, не стесняйся!

– Ой! – воскликнула Калева. – Забыла! Я же кое-что принесла! – и сорвалась с места, всколыхнув пластиковые бусины в дверном проёме.

Шуршание, шорох – Калева вернулась с коробкой печенья в руках. Она зашла по дороге в магазин, когда с трамвая переходила на метро. Ведь разве можно – приходить в чужой дом с пустыми руками?

– Вот, угощайтесь, – улыбнулась Калева, ставя шуршащую упаковку печенья на стол. – Сойя сказала, здесь могут быть веганы, поэтому я взяла вот такое...

– О-о-о, спасибо! – обрадовалась Ди и, шурша юбкой, соскользнула на пол. – Я открою, ты не против?

– Открывай, конечно! – заболтала головой Калева. – Кстати, где Сойя?

Ди пожала плечами.

– Я видел, она курила на балконе, – сказал парень с рыжей бородкой.

Вообще, наверное, Калева ехала к Сойе и печенье привезла – ей. Не сказать, чтобы теперь, на кухне коммуны, она чувствовала себя неловко, наоборот. Кажется, сегодня она нашла своих людей, с кем могла поговорить. Надо было проехать на другой конец Москвы, чтобы наконец почувствовать себя свободно в квартире с обклеенными смешными картинками стенами!

– Ну так – ты будешь чай? – ещё раз радушно спросила Ди.

Калева кивнула:

– Да.

На балконе

В этом мире почти ни у кого не было имён – только прозвища. Потерянные в большом мире юноши и девушки обретали себя и друг друга в окраинных квартирах, арендованных подвалах и сквотированных заброшках, отвергая свои имена как ненужное свидетельство (рудимент) мира формальностей. Так и она, вслед за остальными переступившими порог квартиры на Новоясеневской – была за тем порогом (в том мире) Эллиной Калининой, а в этом становилась Калевой.

В этом мире не было места обыденности. Как от собственных имён, эти юноши и девушки отрекались от рутины и вместо ремонта, уборки, учёбы или работы выбирали квартирники и прогулки. В тесной квартире с зеркальной мозаикой на входной двери, несмотря на спёртый воздух, дышалось свободно.

Держа в руке стеклянную кружку, из которой на нитке спускался ярлычок чайного пакетика, Калева прошла в комнату, где уже собирался народ.

– О, Калева! – окликнул знакомый голос – и, обернувшись, она увидела Славика.

– Приве-ет! – поздоровалась Калева, обрадовавшись, что встретила здесь кого-то, кого она знает.

– Какими ветрами?

– Очевидно, такими же, какими и ты...

В ней дрогнула смутная надежда, Калева даже заозиралась: если здесь есть Славик, то может, где-то поблизости будет и Стар?

Но – нет...

И прежде, чем эта неожиданно вспыхнувшая надежда рухнула, Калева успокоилась: всё же, среди собравшихся она увидела знакомые лица. На синем мате на полу, обеими руками придерживая кофр с гитарой, сидела Совушка в зелёных очках, а рядом с ней – миниатюрная Мята. Обе обменялись приветствиями с Калевой.

Их присутствие означает, что здесь может быть и другой, кто вызывает в Калеве трепет...

– Слушай, – обратился к ней Славик, – а если не секрет, то с того поэтического вечера ты ушла со Старым?

– Что? – растерялась и смутилась Калева, щёки её зарделись. – Ну, да... Но мы просто гуляли!

Славик хитренько улыбнулся.

– А он хорош...

– Славик! – беспомощно взвизгнула Калева.

– Ну ладно, ладно, – попытался осадить её тот, в примитивном жесте выставляя перед собой пухленькие руки.

Калева вжалась в плечи и опасливо огляделась по сторонам. Ей хотелось убедиться, что никто не услышал их разговора. Затем она затравленным волчонком поглядела на Славика – а его даже напряг этот взгляд. Сердце Калевы у неё в

ушах заглушало все окружающие звуки.

– Теперь расскажешь всем, да?

– Калева, – вздохнул Славик, – ну почему? Ты прямо что-то как будто совсем плохого обо мне мнения... – и выглядел, и звучал он при этом совершенно жалобно и обиженно.

Калева отвела глаза, потом – вгляделась в дно чашки с чаем, как будто надеялась там разглядеть, что делать дальше. Сама от себя не ожидала такой резкости... Славик хороший и доброжелательный – а она так его обидела.

– Прости. Пойду покурю, – пробормотала она.

– Ну-у, – успокаивающе протянул Славик, – ничего страшного. Это ты меня прости, если тебе неприятно говорить на эту тему. А я и не собирался никому рассказывать! Просто мне показалось, что вы... ну, наверное, подходите друг другу, и было бы мило, если бы в итоге вы оказались парочкой. Но это так, с моей стороны, – как вдруг он на мгновение задумался и резко сменился в лице, лоб расскла на-пряжённая морщинка; его тон сменился на более внимательный. – Слушай... а он тебя... не обидел? – спросил Славик, делая странный акцент на последнем слове.

– Что? – не поняла Калева. – Да нет... Всё нормально. Мы общаемся, ну, как друзья... Я просто не люблю обсуждать такое. Просто – это всё так сложно!

– Ну, хорошо. Я жее говорю, – вновь хитренько улыбнулся Славик, – вы подходите друг другу...

Калева не стала ничего говорить, только выразительно на

него посмотрела.

– Понял, понял, только – пощади...

– Пойду курить, – повторила Калева и, поставив чашку на стоявший тут же комод, сорвалась с места.

Для того, чтобы достичь балкона, необходимо было обойти винтовой табурет, на котором уже разместились Ди, синий физкультурный мат на полу, лакированный пенёк, на котором тоже сидели... В комнату, в которой стоял спёртый воздух, с балкона тянуло куревом. В темноте, над горящими окнами спального района, на балконе замерли силуэты.

Калева продралась к балкону, потянула на себя скрипучую и дрожащую деревянную дверь. Тут же её обдало холодом (она забыла палантин в прихожей). На балконе, теснясь среди хлама, находились трое, освещённые светом из окна квартиры. Парень с ирокезом согнулся, сложив на балконной решётке локти. У него в зубах зажата сигарета. Подпирая плечом старенький холодильник «Зил» с хромированной автомобильной ручкой, в своём извечном пончо курил Пёс...

Увидев его, Калева обомлела, что даже не сразу заметила притулившуюся в углу Сойю, которая с головой завернулась не то в плед, не то в шаль, и сидела сгорбившись, как старушка.

Пёс заметил вышедшую на балкон Калеву и немало удивился. Он прервал разговор с парнем с ирокезом и сказал ей:

– Здорово, братан! Дай краба!

Сначала Калева зябко повела плечами, но затем протянула ладонь ему навстречу.

– Не ожидал тебя тут увидеть.

Со своего места на Калеву обернулась Сойя. Её округлые губы сложились в мягкой улыбке.

– О! Хочешь присесть? Я подвинусь.

– Было бы неплохо, – отозвалась Калева, а затем обратилась ко Псу: – Это Сойя пригласила меня сюда, – на что тот удивился ещё больше.

– А откуда вы друг друга знаете?

Калева присела на половинку стула, освобождённую Сойей. Было не очень удобно и тесно, но зато тепло.

– Сойя тоже учится в нашем универе, – ответила Калева, а потом обратилась уже к девушке: – Это мой однокурсник.

– А я и не знал! – воскликнул Пёс. – Но вообще, я не так часто там появляюсь, чтобы всех знать...

– Я тоже, – отозвалась Сойя, отнимая от губ толстую белую сигарету.

Пёс и парень с ирокезом докурили и ушли с балкона. Калева и Сойя остались вдвоём.

Сойя курила медленно поднося и отнимая от губ сигарету. Её профиль по контуру касалась позолота электрического света. Она смотрела на прорехи в ночи – усталые подслеповатые окна микрорайона. Огонёк ей сигареты – тоже прореха в ночи.

– Ты не мёрзнешь? – заботливо поинтересовалась она у

курившей рядом Калевы, у которой под свитером гудели мурашки.

А ещё у неё, кажется, свело челюсть и зубы постукивали мелкой дрожью. Ей не оставалось ничего как кивнуть. И каждое движение на рассохшемся старом стуле отдавалось скрипом.

Соя расправила колючее одеяло, в которое, как оказалось, была завёрнута всё это времч, и издав невнятный звук:

– Эть, – накинула край этого одеяла Калеве на плечо. – Вот так.

– Спасибо.

Калева поправила одеяло, одним плечом прижимаясь к плечу Сои. Та пододвинулась к ней ближе и одной рукой, чтобы удобнее усидеть на стуле, теперь ещё и соединёнными одеялом, приобняла Калеву за спину.

– Курю уже четвертую сигарету, – задумчиво сказала Соя. – Не хочу к ним идти. Хорошо, что ты пришла.

– Да, я тоже рада...

Промозглый ветер, шумя, отражаясь от стен геометрически выстроившихся многоэтажек, порывом принёс и бросил им в лица изморось. Холодные иголки кольнули Калеве щёки. Огонёк её сигареты возмущённо раздулся.

Соя прислонилась виском к её виску.

– Я встретила тут столько знакомых! Даже не ожидала, – заговорила Калева торопливо.

Внизу мёртвенно освещена «коробка» во дворе.

– Да? А кого? – медленно спросила Сойя, не поднимая ГОЛОВЫ.

– Ну, вот, Пёс, Мята, Совушка, Славик...

– М, знаю их.

– А можно тебе кое-что рассказать?

– Если хочешь – расскажи.

– Только это очень личное...

– Как хочешь.

Сойя дышала сигаретным дымом.

– Дело в том, начала Калева, – что мне, вроде бы, нравится Пёс... Только ему это не говори, хорошо? Я пишу стихи и за ним пришла, вот, в эту поэтскую тусовку. Уже там я познакомилась с Мятой, с Совушкой... А он не обращает на меня внимания, я не знаю. Мы с ним даже не переписываемся.

А Славика я знала и до этого – но он всегда мне был просто другом, к тому же, у него девушка есть. И вот, если ты знаешь Славика, то может, знаешь и Стара... Он нас познакомил, как раз, на недавнем поэтическом вечере. И мы пошли гулять, гуляли целую ночь! Даже поцеловались. И я думала, что это так, ничего не будет значить... А теперь мы с ним переписываемся, гуляем, целуемся. Кажется, я что-то чувствую к нему. По крайней мере, не могу жить, если он долго не пишет.

Сойя отбросила докуренную сигарету в стоявшую у её ног банку окурков. Одну руку она пропустила по туловищу Калевы, ухватила за свисающий с её плеча уголок одеяла.

– Ты свободная девушка и имеешь право сделать выбор...

Калева покачала головой. Она хотела что-то ответить – но тут зазвонил телефон.

– Извини, – сказала она Сойе и подняла трубку. – Алло?.. Да, ба... Я? Я у друзей... Не знаю... Не ждите меня... – а когда она положила трубку, то лицо её стало совсем грустным.

– Если хочешь, можешь переночевать у нас, – предложила Сойя. – Ну ладно, пойдём. А то начнут без нас. Я поговорю, ты скажи...

С балкона, с холода и со свежего воздуха они вдвоём вошли в комнату, переполненную людьми и наполненную сигаретным воздухом. В ней пахло человеческими телами, сигаретами, поношенными носками... Местная публика, ожидавшая начала квартирника (здесь не принято быть пунктуальным, пунктуальность – излишество мира формальностей) увеличивалась в своём числе. Яблоку негде упасть: кто-то садился уже просто на пол.

Сойя нашла руку Калевы, сжала мягкими пальцами и повлекла за собой. Она заметила свободное местечко, занятое для них на мате Ди. Извиняясь за то, что потревожили, перешагивая через ноги гостей, они пробрались к занятому для них местечку. Ди засуетилась, подвинулась, села компактнее, подобрав ноги под шуршащую юбку. Калева оказалась зажата спереди Совушкой и Мятой, а сзади – Ди и Сойей.

Калева решила осмотреться в комнате. Почему-то у неё

не получилось сразу, как она пришла: её больше интересовали люди. Теперь, когда она удостоверилась в том, что среди них есть знакомые, Калева решила получше рассмотреть обстановку. Прежде она не бывала на таких квартирниках и в квартирах, в которых они проводятся. В гостях, на тусовках она привыкла видеть обжитые интерьеры, комнаты, в которых годами живут семьи – а здесь, в этой квартире, всё выглядело не так. На первый взгляд, могло показаться, что жильцы просто начали и забыли закончить ремонт, потому что то ли не хватило денег, то ли просто стало лень – и они просто заклеили стены поверх обоев смешными картинками и собственными рисунками. Они просто оставили в комнате старый шкаф-стенку, заваленный книгами, затоптанный ковёр на полу, физкультурный мат, пенёк и ореховый комод с потрескавшимся лаком. При этом, везде, где только можно, по комнате расставлены различные светильники, развешаны электрогирлянды, а стена над комодом окрашена в ультрамариново-синий от лежащей на нём неоновой лампы.

Калева сфотографировала комнату и отправила Старицкому с подписью: «Я на квартирнике», а потом из этого диалога переслала подруге Ксюше. Оказалось, что Старицкий написал ей ответ на голосовое:

Пётр Старицкий, 20:21

Ну как, нашлись?

Меня выгоняют из библиотеки

Элина Калинина, 20:22

За что? О_о

Пётр Старицкий, 20:24

Ни за что. Они просто закрываются

Ведущей квартирника была полная девушка с мягкими, торчащими во все стороны, светлыми волосами.

Калева всё пыталась усесться на мате так, чтобы не мешаться и не пинать Мяту или Совушку, но чтобы при этом не затекали ноги.

Ведущая с помощью Пса вытаскивала в угол, представляющий импровизированную сцену, табурет, колонку с усилителем. Парень с ирокезом, которого Калева видела на балконе, настаивал микрофон.

Резкий звук по ушам.

Ведущая откашлялась. В её носу металлом блеснул септум.

– Ну, что? Всем привет, кто дошёл!..

Квартирник

Славик, скрестив пухлые руки, подпирал плечом стенку у двери в комнату. К нему прильнула миниатюрная девушка с русыми волосами до пояса.

Перед Калевой маячила кудрявая голова Совушки, а на плечо прилегла Сойя. А Калева зачарованно смотрела на поющего на импровизированной сцене Пса, на его белые пальцы, нежно касающиеся гитарных струн. Он пел про любовь, а Калева слушала и ей казалось, что поёт он ей... «Жаль только, – подумала Калева, – здесь со мной нет Стара».

В руках у Калевы – кружка чая, снятая с комода. На ухо дышит Сойя. Так тепло, уютно, по-домашнему...

И голос у Пса – бархатистый, протяжный, с хрипотцой... Ведущая, а за ней – Совушка с гитарой. Калева знала, что Совушка поёт, но что поёт – не знала. Совушка любила фэнтези, иронично фанатела по «Сумеркам» и увлекалась толкиенистикой. Оказалось, что и песни её – про средневековых бардов, эльфов, гномов и вампиров.

Калева достала телефон и сфотографировала обстановку. Ей надо показать Стару, где его не хватает. Она ещё и подписывает: «...не хватает».

Пётр Старицкий, 20:40

Размалёванные неформалки и фембои

У Калевы сердце упало. Она быстро выключила и убрала

телефон, а когда подняла голову, то огляделась и обнаружила: из мира пропали все краски.

– Ты чего-о? – прошептала ей на ухо Сойя.

Калева вздохнула.

– Он испортил мне настроение.

– О-ох, – вздохнул Сойя и обняла её обеими руками, – почему? Это просто мужик... А ты такая красивая и хорошая. Он того совсем не стоит.

– Спасибо, – прошептала Калева.

Полненькая девушка с гитарой исполняет что-то а-ля декадентское. Она доиграла – и ведущая, сверкая септумом под носом, объявила:

– Пере-рыв!

– Пойдёмте покурим, – предложила Ди, выпрямляясь и разглаживая на бёдрах переливающуюся юбку.

На этот раз они отправились не на балкон, а вышли в подъезд и спрятались от соседей на потайной лестнице. Калева стала в самом углу, как бы спрятавшись ото всех. Ди уселась прямо на ступеньку, рядом с нею разместились Соушка. Сойя встала под окном, макушкой как будто касаясь подоконника. Компанию курильщиц разбавил присоединившийся к ним Славик, а с ним – та девушка с длинными волосами. К ней совершенно неожиданно бросилась обниматься Сойя с радостным возгласом:

– Мари-и-и!

– Лучший друг!

Так же радостно с нею поздоровались и все остальные присутствовавшие.

– А это, кстати, Калева, – обратился к своей спутнице Славик. – Вы, кажется, не знакомы.

Девушка улыбнулась и протянула ладонь.

– Я Мари.

Каждое слово отражалось эхом от бетонных стен подъезда.

У Мари ладошка была крошечная, раза в полтора меньше, чем у Калевы, да и сама она была миниатюрная. Короткие ногти у неё были однотонно покрашены в оранжевый и фиолетовый. На фоне многих других на мероприятии Мари выделялась длинными волосами натурального цвета, завитыми в локоны. Одета она в ультрамариновую блузку, поверх которой угловатый жилет в крупную гусиную лапку.

Но самое главное – при знакомстве Калева могла хорошенько рассмотреть лицо Мари: маленькие губы, накрашенные ярко-красным тинтом, светлые глаза, ресницы в цветной туши – на верхних синяя, а на нижних белая, под глазами наклеены круглые игрушечные глазки, от которых вниз уходят три уменьшающиеся точки, на щеках рубцы постакне. Ещё Калеве бросились в глаза крупные акриловые серьги в виде бордовых губ в ушах новой знакомой.

Когда-то Калева слышала, что у Стасика есть девушка, они живут вместе, и вот – это Мари. Мари пришла позже начала мероприятия. То, как она подошла к Славик, как они

смотрели друг на друга, как стояли рядом – всё выдавало, что это парочка.

– Расскажи, где ты была на этот раз? – спросил Славик, когда Мари отпорхнула от Калева и вновь прильнула к нему. Эти двое выглядели как полные противоположности: большой и маленькая – но и кое-что общее между ними было: оба энергичные, как будто пружинящие.

– Сейчас? – переспросила Мари. – Сейчас я была в гостях у моей подружки-художницы, у которой мастерская на Чистых...

– Это та, с которой вы тогда ходили в бар?

Мари кивнула.

– Да!

Славик заулыбался и поцеловал её в остренький кончик носа. Калева не могла скрыть умиления, глядя на них, а затем шепнула Сойе:

– Они такие милые...

– Угу, – кивнула та.

– Дай сигаретку, – попросила Мари у Славика.

С таким же умилением, как и Калева, на их парочку поглядывала Ди. Мари обьяла алыми губами белый фильтр сигареты, между её пальцами вспыхнуло маленькое оранжевое пламя. Затем, бросив взгляд на Ди, она сделала ей комплимент:

– Шикарная юбка! Сама сшила?

Ди закивала.

– Ты здесь надолго? – поинтересовалась она, улыбаясь чуть подстёршимися губами.

Мпри передёрнула плечами, затем повернула голову к Славику. При этом её шея вытянулась и напряглись жилки, вонзаясь во впадину над ключицами. Она изящно зажала между пальцами сигарету, вздёрнув дымящийся кончик вверх. Мари обратилась к своему парню:

– Мы пойдём на день рождения?..

Калева поймала, как переглядываются Ди и Соёя. Затем, поднимаясь по ступеням и оправляя юбку, Ди прокомментировала:

– Ртуть... – а потом пояснила, кажется, для Калевы: – Мари может одновременно находиться в нескольких местах.

– В Москве нет ни одной тусовки, которую бы Мари пропустила! – подхватил её слова Славик, и нежно положил руку на плечо Мари.

Та горделиво приосанилась.

– Это здорово, – проговорила Калева, а от стен лестницы отдался эхом её голос, – я бы тоже хотела так... Но я живу с Подмосковьё.

– Да? – переспросила Мари. – Я слышала, в Подмосковьё скучно, там мало интересного...

– Да, – закивала Калева, – и самое главное, что ехать до Москвы далеко.

Мари как бы понимающе покачала головой.

Потом, докурив, они переместились обратно в квартиру.

Перерыв ещё не закончился. Они расположились на кухне: Калева на табуретке с торца стола, напротив неё Ди, они с Сойей изо всех сил пытались усидеть на одной табуретке, а третий табурет заняла Мари. Сначала высокая и стройная, как иголка, Ди спросила, будет ли кто-то чай, и получив ото всех троих утвердительный ответы, запустила ловким движением руку в гору посуды в мойке. Калева следила за ней, вздрагивая от звона и глухого хруста посуды – как бы не пала эта Вавилонская башня... И вот – чай вскипел, чашки помыты. Четыре девушки на кухне.

Старая люстра с единственным рожком тускло освещала помещение – так лениво, что густой жёлтый свет сдавался, стоило ему наткнуться на какое бы то ни было препятствие. Оттого по углам распластались контрастные темноты теней.

– Если так посудить – что есть свет? – рассуждала Ди, закидывая ногу, когда ткань её юбки шуршала и переливалась: по складкам гуляли графитовые тени. – Часть бытия, может быть, само бытие. Всё, что мы видим – количество света. Стекло, – крутя в руках хрустальную конфетницу, продолжала она, – отличная среда для того, чтобы вычленишь и отчётливо изучить игру света. Когда мы что-то видим, рисуем, фотографируем – мы запечатлеваем свет...

Её речь была неуловима, как свет (300 000 км/с) – и Калева, устало шурясь наблюдала за скольжением теней по её юбке, за полупрозрачными лунами лиц в потемневшем оконном стекле. Плоские – они двоятся в стеклопакете, наполо-

вину поглощённые темнотой. Калева тщетно пыталась вслушаться в то, что говорят Ди, но невыносимые мысли увлекали её в своём направлении, отталкиваясь от каждого нового утверждения вне, и были утомительны. «Но как же вещество, осязание, запахи, звуки?» – лениво возражала она Ди у себя в голове.

Зачем разбирать мир на атомы?..

Калева сонно положила голову на руку, скользкие волосы посыпались на лицо. Теперь она смотрела на мир вокруг как будто через вуаль.

– Ты не думала, что это может быть интересной концепцией для арт-проекта? – спросила Мари.

Локтя Калевы коснулись мягкие и горячие подушечки пальцев – это Соя проверяла, не спит ли.

– Э-эй, – полушёпотом звала она, как будто издалека, но на самом деле – просто с другого конца кухонного стола. – Спишь?..

Калева помотала головой, бормоча что-то невразумительное.

Чай из пакетика пах бумагой и на вкус был как бумага. Тёмно-прозрачная охра, по краю которой очерчивает окружность дужка света. И чай этот, бумажный, со светом – ненастоящий, но над-настоящий, потому что ощущается иначе, потому что вообще – ощущается. Громкая мысль: «Пить – свет». Калева резко дёрнула головой, встрепенулась. Левое ухо у неё заложило, как будто кто-то по нему ударил. Она

придавила его бугорком ладони.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Соя. – В ухе стреляет?

– Что? – растерянно переспросила Калева. – А? Нет. Всё нормально.

Ди отпила чай. Когда чашка скрыла часть её лица, выразительные глаза описали дугу, ярко подведённые. А когда она отставила чашку, губы в стёршейся бордовой помаде произвели лвижение – звук, голос, слова:

– Подумаю. У меня даже есть кое-какие мысли. Вот только на этой кухне до мероприятия Исса рассуждал о постмодерне... Если что и делать, то так – чтобы получилось искусство, а не просто творчество.

Мари вопросительно посмотрела на неё.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, типа, я хотела бы не просто выразить чувства, а передать их. И чтобы то, что я сделаю, было само по себе, – пояснила Ди, после чего её тон сменился на откровенно смешливый. – Именно поэтому я не буду ничего делать. Ну, или попробую создать одежду и украшения, подчёркивающие важность света. Вот, например, из таких материалов, как тафта.

– О, так будет ещё интереснее! – подхватила Мари.

Незамысловатая обстановка кухни и гиперреальные люди на ней...

– Мне у вас нравится, – призналась Калева совершенно неожиданно для себя, почувствовав расслабленность. – С ва-

ми интересно и как-то по-настоящему.

Мари повернулась улыбающимся лицом, привстала со своего табурета и легко обняла Калева. В её объятиях хотелось раствориться.

Но тут – глухо стукнули пластиковые бусины в проёме двери. Обернувшись, Калева и Мари увидели Стасика.

– Вы здесь? – спросил он.

– Не-а, – отозвалась Мари. – Мы – там.

– Идите к нам, началось!

В комнате, воздух которой пропитался запахами пота, табака и чего-то ещё, пришлось искать новые места, перешагивая через чьи-то ноги. Особенно тяжело было от того, что свет в комнате был приглушён – на импровизированной сцене творилось действо. Как снежинки, по стенам скользили прыткие пятна света. Калева легла прямо на пол и стала следить за хлопьями света. То тут, то там – таинственные шорохи, эмбиент на переключающихся каналах и, как капли, звуки калимбы...

Открытие

Какие-то девочки обнимались с Ди и Сойей, а Калева стояла поодаль со свербившим под рёбрами чувством лишности здесь. Конечно, всегда где бы ни появлялась, она чувствовала себя лишней, чужой – и это было такое знакомое, чертовски привычное чувство, которое в то же время, было невыносимо. Как зубная боль. Калева смотрела на розовый потолок в границах чёрных стен и думала: «Небо?» – слышала звуки железной дороги снаружи, как на вокзале.

Ей предложили переобуться в голубые шлёпанцы. Влезая в них ногами в носках, Калева невольно вспомнила о том, что какие-то похожие были у её бабушки на даче.

Как и на Новоясеновской, в помещении было душно и пахло человеческими телами: просто объёмов воздуха на всех хватало впритык. Калева решила, что спутницы, с кем она пришла сюда, о ней забыли и, прижав к груди сумку, пошла осматриваться. Жилище, а это было именно жилище – реальная станция борьбы с бытом: собрано жильцами по кусочкам из приволочённого страшно подумать, откуда,хлама. Калева остановилась, чтобы сфотографировать отражение своих ног в зеркале, прислонённом к стене – а над зеркалом прислонён слишком большой для него резной багет. Интерьер балансировал на грани уюта и пустоты: дорожный знак, конус, книги, картинки на стенах, растения, стеллажи,

грифельная доска... На чёрном дощатом полу ковёр и пожелтевший прямоугольник паралона.

Чёрную стену разрезают высокие закруглённые окна, как зеркала: за ними – бледное небо. «Как дома», – усмехнулась про себя Калева, когда в этом бледном, как ватное, небе прозвучали отголоски распоряжений диспетчера откуда-то с вокзалов: в маленьком старом домике тоже было слышно объявления с железной дороги и то, как шумят поезда.

Калева потопталась у зеркала, огляделась – как дома. Копия! Она наклонилась, включила камеру на телефоне, посмотрела в кадр, затем опустилась на корточки и снова сфотографировалась в зеркале.

tionelamanala

13:02

[фотографии в зеркале]

Я

Или

Не я

В зеркале на полу возникла ещё пара ног.

– Вот ты где! – слышался голос Сойи.

Калева встрепенулась, прошелестели её локоны.

– А вы меня потеряли?..

Соя энергично кивнула и сжала её ладонь своей мягкой ладонью. Калева вздрогнула от неожиданного прикосновения, на долю секунды скривила лицо. Соя, которая собиралась увлечь её за собой куда-то, тут же разжала свою ладонь

и пристально на неё посмотрела.

– Тебе некомфортно?

Калева растерянно пожала плечами.

– Да нет... В смысле – не некомфортно... Просто – непривычно...

– Прости, – смутилась Сойя.

Повисла пауза – мгновение. Её осмелилась нарушить Калева:

– Так, а куда ты хотела пойти?

– Вниз! – пронзительным шёпотом отозвалась Сойя и поманила её рукой, как в танце, отступая назад. – Ко всем!

По лестнице, по которой поднимались сюда, вдоль испитых стен они бегом спустились на один пролёт. Сойя нырнула в распахнутую дверь, Калева – за ней. Так странно и одновременно приятно, подумала она, слоняться туда-сюда.

Тот парень с длинными осветлёнными волосами, который до того курил на лестнице, здесь разливал в бумажные стаканчики лимонад. В этом помещении странно, немного неприятно пахло.

– Лучший друг! – раздался голос – и на Сойю налетела с объятиями девушка Славика со странным длинным именем.

На ней был пёстрый лилово-серый свитер, по-прежнему распущенные длинные волосы, а ресницы покрашены красной тушью.

– При-ве-ет! А-х.. э-э, – невнятное крехтение девушки дало понять, что она забыла, кто такая перед ней, но ситуацию

спас появившийся тут же Славик:

– О! Калева!

– Калева, – повторила девушка.

От её свитера и длинных волос пахло чем-то сладким – сахарной ватой, жвачкой, ванилью... Калева не могла понять, что это за аромат, обнимаясь с ней, и не могла вспомнить её имя. Оно какое-то редкое, старинное...

Отстранившись от неё, Калева махнула Славику.

– Я сегодня ночевала на Новоясеневской, – потом рассказала она ему, – и приехала сюда с Ди и Сойей.

– Решила уйти в загул? – улыбнулся Славик, весь пружинящий – от кудрявых волос до пальцев ног.

Он был пусть и полный, но Калева впервые обратила внимание на то, какие маленькие у него ступни в розовых шлёпанцах, надетых на носки с пивными кружками.

– Типа того, – передёрнула плечами Калева и, понизив тон, призналась: – Вообще, я впервые ночую не дома...

Славик удивлённо вздёрнул пушистые чёрные брови, а потом сказал:

– Мы, вот, с Мари, наоборот – дома почти не бываем...
Особенно – Мари...

– Я заметила. Здорово, наверно...

В помещение, по стенам которого стояли молды с одеждой, затащили большие чёрные мешки. Оказалось, что внутри них – какая-то еда. Все начали её разбирать, есть – только Калева, Мари и Славик остались в стороне. Последний ещё

прокомментировал:

– М-м, фрига...

– Что? – не поняла Калева.

– А... Тебе лучше не знать.

– Ну... Ладно...

Славик начал разговаривать о чём-то с Мари. Калеве стало неловко и скучно, и она начала искать взглядом среди народа, разделившегося на группки, Сойю и Ди.

Девушек Калева обнаружила в компании того белокурого молодого человека, которого по пути сюда они встретили на лестнице. Ди перебирала какие-то вещи на вешалках и что-то присматривала. Калева подошла к ним в тот момент, когда Ди вернула на место вешалку с коротким топом в крупный горох и сказала:

– Та-ак! Мне надо подумать!

– Хорошо, – согласился парень. – Пойдём курить?

– Пойдём, – согласилась Сойя вместо Ди и развернулась, натолкнувшись на Калеву.

– Я с вами, – сказала та.

– Пойдём!

Они, трое, вышли в подъезд (Калеву удивляло это странное лиминальное пространство – так и не подумаешь, что эти зелёные стены внутри старинной водонапорной башни). В подъезде было накурено, в лестничном пролёте уже кто-то стоял: несколько силуэтов растворялось в табачном дыму. Ди кашлянула, ладонью разгоняя густой смрад.

– Душно... – констатировала она.

Парень передёрнул плечами под курткой.

– Пойдём на улицу.

В пустынном дворе у Башни... За окружающим его забором уходят поезда: набирают ход, считают тёмные окна. У Калевы в городе есть такой же бетонный забор, за которым шумят невидимые поезда.

Она прикурила от зажигалки белокурого парня. В то же мгновение – обратила внимание на его куртку. Точнее, это была не просто куртка, а заводская спецовка – тот самый синий воротничок – раскрашенная поверх прямо красками, увешанная, как орденами, значками и нашивками. Калева с интересом задержала на ней взгляд, думая о том, как ей нравятся эти разномастные странно одетые люди.

Дым густой пеленой во влажном воздухе поднимался в белёсое небо. Так легко – как будто сам растворяешься и улетаешь вслед, в небо, которое по осени стало ниже. Калева опустила глаза, вслушиваясь в шум поездов и ловя карусель в своей голове. Рядом с нею о чём-то, несомненно очень умном, переговаривались Ди и Соёя с тем парнем, имени которого Калева так и не спросила.

Её медитацию прервало появление ещё одного человека. Калева услышала женский голос:

– Ребята, сигаретки не найдётся? – так что Калева вздрогнула: этот голос будто бы принадлежал её матери.

Открыв глаза, она увидела женщину с длинными фиоле-

ТОВЫМИ ВОЛОСАМИ...

Калева в ступоре, наверно, побелела, обескровилась, когда незнакомая женщина слишком знакомым движением брала сигарету, прикуривала. Не только голосом – но манерой, движениями и даже чем-то в лице, неуловимым, эта женщина с фиолетовыми дредами походила на Людмилу, Элину мать.

Как сестра.

«Сестра!» – отразилось изнутри черепной коробки. Калева хотела поднести тлеющую сигарету к губам и промахнулась. Пока женщина, поправив знакомым движением волосы, беседовала с ребятами:

– А вы тут живёте?..

– Да, – кивнул белокурый парень.

– Эй, ты чего? – обратилась к Калеве Сойя, заметив её нелепое движение. – Всё нормально?

Калева неловко кивнула, прилипшая взглядом к профилю, до ужаса похожим на профиль её матери.

– Кто это? – тихо и медленно спросила Калева, но незнакомка, похоже, её услышала.

– Ах, мы же не познакомились! Я – Женя.